

УКРАИНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЧУЖАЯ
КОЖА

ИРИНА
ЛОБУСОВА

FOLIO

Украинский детектив

Ирина Лобусова

Чужая кожа

«ОМІКО»

2019

Лобусова И. И.

Чужая кожа / И. И. Лобусова — «ОМІКО», 2019 — (Украинский детектив)

Познакомившись со знаменитым фотографом Виргом Сафиным, провинциальная журналистка Тамара получает приглашение переехать в столицу, тем самым полностью изменив свою жизнь. Вирг Сафин – самая загадочная звезда современности. Его личность невероятно таинственна, никто не знает его настоящего имени, истории появления в мире шоу-бизнеса. Но многие верят, что его уникальные фотографии обладают мистическими свойствами и, обнажая тайную сущность человека, предсказывают судьбу. Некоторые пытались разгадать секретную технику Вирга Сафина, но... С первых же дней пребывания в доме Сафина Тамара, получившая новое имя Мара, погружается в мир странностей и тайн. В доме есть даже башня, вход в которую запрещен всем обитателям дома, в том числе и Маре. Это студия фотографа. Потеряв голову от страсти к таинственному художнику, Мара дает себе слово проникнуть в студию-башню и разгадать страшную тайну Вирга Сафина. К этому подталкивают и внешние обстоятельства: Витольд Комаровский – друг и деловой партнер фотографа зверски убит в собственном доме, а в организации убийства подозревают самого Сафина.

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

Вступление	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ирина Игоревна Лобусова

Чужая кожа

Вступление

Конец августа 2017 года

Фиолетовая дымка парила над карьером, проплывая в воздухе, как вуаль, и поднимаясь ввысь, к облакам, спрятанным за фиолетово-серым небом, плотным, как тяжелая намокшая ткань.

Все, что осталось после пожара, – странная фиолетовая дымка. Гарь уже растворилась в воздухе, и расплавленные огнем камни лежали на дне карьера.

Дымка-вуаль поднималась как раз над искореженным и наполовину почерневшим остовом автомобиля, врезавшегося в мягкий грунт. Обгоревшие обломки железа, присыпанные грязным песком, как скелет доисторического животного, громоздились на дне, представляя собой невиданную и фантастическую картину, символизирующую растерянность и утрату.

Двое мужчин весьма специфической внешности, стоя на краю карьера, внимательно всматривались в почерневшие обломки. Внизу вдоль левой щеки старшего мужчины тянулся старый грубый шрам, плавно переходящий на шею. Его лицо говорило о том, что это человек невероятной силы воли: если он пережил такую боль и вернулся к жизни. Лицо его было меченым, и навсегда оставалось в памяти тех, кто сталкивался с этим человеком, как грозное предупреждение, что с ним лучше не сталкиваться вновь.

Второй мужчина был молод, очень высокого роста, но казался каким-то узким и высохшим – все части его тела были словно вытянутые в длину. Его лицо было узким и плоским, на которое в толпе никто бы не обратил внимания. Но жесткий блеск в его глазах подсказывал, что это не так.

Сзади, далеко от карьера, где полицейское ограждение закрывало доступ местным зевакам и журналистам, все еще толпились люди, щелкая вспышками телефонов, увлеченно снимая жестокую человеческую смерть.

Тела, которые спасатели достали с большим трудом, уже упаковали в черные мешки и увезли подальше от любопытных и пустых глаз. На дне карьера еще работали эксперты – до окончания работы им оставалось собрать последние штрихи.

– Фиолетовый цвет... – Меченый вглядывался в пространство с такой внимательностью, словно хотел прочитать какие-то знаки в прозрачном воздухе, – почему такой странный цвет?

– Какой-то химический процесс, – пожал плечами его компаньон. Узколицый, наоборот, не отрывал глаз от происходящего на дне карьера, где копающиеся в деталях машины эксперты напоминали насекомых, которые атаковали труп умершего гиганта: – Распад в результате горения. Странно, правда?

– Никогда еще не видел такого странного дела, – Меченый раздраженно передернул плечами, – так высоко! Похоже на панораму с колеса обозрения в городском парке.

Узколицый фыркнул – это было не очень вежливо, но сравнение показалось ему уж слишком забавным.

– Странное дело, говорю, – повторил старший, – мне не дает покоя этот фиолетовый цвет – люди, сгорающие заживо, так не горят.

– Это просто закат, – вздрогнул второй, – краски близкой осени. Ничего больше.

– Ничего больше... Сколько лет как заброшен этот карьер?

– Семь, – его спутник с удивлением посмотрел на него, – разве вы не знали этого? Как раз семь лет назад карьер закрыла экологическая экспертиза! Истощение запасов песка. Днепр... Я дословно не помню. Что-то такое. И депутатское ходатайство это подписал... Кораблев.

– Кораблев, – повторил Меченый, – да помню я! Помню, но не могу понять. Кому потребовалось убивать такое ничтожество?

– Вы кого имеете в виду? – хохотнул его спутник. – Кораблева или его спутницу?

– Какую, к черту, спутницу! – фыркнул старший. – Разве у каких-то спутниц есть имя? Кто будет его помнить, зачем? Таких по пятьсот штук на каждом углу! А вот Кораблев... Более бесполезной инфузории просто не существовало, поэтому...

– Поэтому вы заказали эту странную химическую экспертизу по горению, так? – нахмурился Узколицый.

– Возможно. Я ничего не знаю.

– Я никогда еще не сталкивался с более странным делом! Этого не может быть! Это просто не может быть правдой.

– Этого не может быть потому, что не может быть никогда! – улыбнулся Меченый. – Кто сказал?

Фиолетовый цвет быстро исчезал в воздухе, развеивая сияющие частицы как куплеты не написанной песни.

– Я тебе скажу еще кое-что – про убийцу. – продолжал Меченый. – И можешь это запомнить. Ошибка. Рано или поздно он допустит ошибку. Я буду ждать. Если понадобится, целую жизнь, но поймаю этого урода. Я чувствую – ошибка близко. Она обязательно случится... И я даже знаю, что это будет.

– Какая ошибка, что это будет? – машинально повторил Узколицый, явно не вдумываясь в смысл слов.

– Женщина. Это будет женщина.

Конец марта 2018 года

Я не знаю, с чего начать. Я боюсь смотреть на свое лицо в зеркале – мне не нравится то, что я могу там увидеть. Пусть другие не замечают никаких изменений, но я-то знаю: перемены кроются не в том, что снаружи. Перемены – они под чужой кожей.

Мне все говорят, что ничего не изменилось. Так говорят все, но только не я. Мое имя давно уже другое. Я ношу контактные линзы, чтобы скрыть цвет моих новых глаз. Мои волосы темные, они давно потеряли свой прежний цвет.

Бывает любовь, поражающая мозг, как раковая опухоль. Разрастаясь, она уничтожает не только твое тело или отражение в зеркале, она съедает все ранее существовавшие дороги. Я буду говорить о своей любви.

Самолет через два часа. Я сижу в небольшом баре в аэропорту Борисполь. Ночь. В баре, кроме меня и бармена за стойкой, больше никого нет. Вокруг темно. Я сижу за стойкой бара, крепко сжав бокал с апельсиновым соком, и стараюсь не смотреть на отблески желтой жидкости на столешнице. Я ненавижу апельсиновый сок. Эти желтые отблески напоминают мне разлившуюся мочу.

Я смотрю на бокал с апельсиновым соком и лихорадочно кручу в пальцах осколки моего разбитого прошлого. Я буду вспоминать о своей любви. Я буду говорить о ней здесь и сейчас. Я расскажу о шрамах на моих запястьях и еще о том, почему я ненавижу сок.

Хорошо, что вокруг никого нет. Я выгляжу точно так, как должно выглядеть огородное пугало. Черные брюки, белый свитер и мужское черное пальто с длинными лапами, которое мне не идет. Оно уродливо. Оно отвратительно. Я не сниму его никогда. Я сниму только свою

белую фетровую шляпу (вот так) и положу ее на стул рядом. Белое в черном, или черное в белом. На самом деле всегда есть третий цвет.

Он есть. Наверное, именно поэтому я и сижу в аэропорту, одетая уже навсегда в черно-белые тона.

Мои глаза ловят привычное черно-белое пятно. Я не хочу туда смотреть, но мои глаза не подвластны моей воле. Я сжимаю губы покрепче, и, как всегда, ощущаю рой ледяных бабочек в животе.

Я поднимаю глаза и взглядом упираюсь в огромную черно-белую фотографию, висящую на самом видном месте бара в обрамлении нелепо светящихся лампочек. Все оформлено так, чтобы эта фотография (или эта картина) намеренно бросалась в глаза. Мой взгляд останавливается на ней, на привычных до боли нюансах белого и черного. Это ад!

Скучающий бармен перехватил мой взгляд. Он рад любой возможности хоть о чем-то поговорить.

– Нравится? – он подходит ближе, довольно потирая руки. – Это Вирг Сафин. Подлинник! Правда...

– Так уж правда... – ухмыляюсь я. Эта ухмылка похожа на оскал трупа, но бармен принимает ее за чистую монету. В этом бармене есть что-то неприятное – то ли молодость, то ли жиденькие усики пройдохи, пробивающиеся над пухлой верхней губой.

– Точно, правда! Подлинник – настоящий Вирг Сафин, – бармен и правда был рад поговорить.

– Тогда вам нужно поставить сюда охранника, – все как-то нелепо продолжаю ухмыляться я, – повесить вот так запросто подлинник Вирга Сафина... Честное слово – не шутки!

– Это хозяин его купил. Он у нас большой любитель. Тогда Сафин еще стоил дешевле. А ведь точно, теперь это и правда... – Бармен издает дебильный свист, намекая, что нынешняя стоимость картины потянет на целое состояние, и за эту пошлость мне хочется разmozжить ему голову.

Но бармен, конечно же, не понимает моей реакции – он все говорит и говорит.

– Теперь, конечно, Вирг Сафин – целое состояние. Хозяин страшно гордится этой своей покупкой. Готов день и ночь рассказывать, какой он молодец, что вовремя купил. Вообще-то он купил этот снимок в Нью-Йорке, пять лет назад. А знаете, ведь теперь все, что связано с Сафиным, страшно поднялось в цене – ну, теперь, после того, как...

Стукнув бокалом о стойку бара, я резко произнесла:

– Виски!

Получилось достаточно вульгарно и грубо, но продолжения разговора («после того, как...») я просто не вынесу. Я не могу об этом слушать сейчас.

Моя резкая реакция обрывает бармена на полуслове, и он в растерянности спрашивает: добавлять ли виски в сок, или дать новый стакан. Я требую новый стакан.

Обжигающая жидкость льется в мое горло, и я замираю, словно кто-то за спиной недовольно вот-вот окликнет... Но в баре по-прежнему никого нет. Я уже и забыла, когда в последний раз пила виски. Это блаженное открытие – оказывается, я умею забывать.

– А куда вы летите? – бармен все не может успокоиться.

– В Нью-Йорк.

– Вы там живете?

– Нет.

Я расплываюсь и собираюсь уходить, но бармен окликнул меня:

– Подождите, девушка! – он выдыхает, вспомнив про Нью-Йорк, – мисс...

Я оборачиваюсь. Неужели мне всю жизнь суждено оборачиваться? По первому окрику, вот так.

– Вы забыли... на стойке... вот это... – бармен показывает на что-то, и яркий луч электрической лампочки отражается в моих глазах – он ясно и отчетливо освещает осколки моей разбитой жизни.

Возвращаясь, я беру в руки осколки моего прошлого – треснувшую от огня линзу объектива фотокамеры. Она так мала, что помещается в моей ладони. Под вопросительно-пристальным взглядом бармена я опускаю линзу в карман пальто и, ухмыльнувшись в последний раз, быстро ухожу из бара. Я что-то шепчу себе под нос.

– Вирджин... Меня зовут Вирджиния... Меня зовут Вирджиния. Вирджин...

Напрасные предосторожности: я могла бы закричать во весь голос, и меня бы никто не услышал!

Сжав треснувшую линзу в ладони, я бреду в мертвых лабиринтах аэропорта. Я возвращаюсь в прошлое. Я буду говорить о своей любви.

Глава 1

Начало сентября 2017 года

Ровно за год до нашего знакомства Вирга Сафина обвинили в изнасиловании. И, как всегда, он вышел сухим из воды.

В суд на него подала одна из безликих, многочисленных партнерш по сексуальным оргиям, уже вошедшим в поговорку. Эту девицу, кажется, он использовал и в качестве одной из своих моделей.

Я и сейчас помню ее лицо, изящно точеную фигурку, модно растрепанные рыжие волосы и пластика, пластика, пластика... платье от Роберто Кавалли, в котором на одном из эфиров модных и пошлых шоу она выскочила из темноты. Помню, я еще подумала, увидев ее на экране: «Красивая девица, заниматься с такой сексом, наверняка, одно удовольствие. Придурок Вирг Сафин».

Эта мысль («придурок Вирг Сафин») почему-то отчетливо врезалась мне в память да так и застряла в голове, хотя мысль была довольно нелепая: какое отношение могли ко мне иметь знаменитый Вирг Сафин и крутая суперзвезда с раскосыми кошачьими глазами, чем-то напоминающими растаявший на жарком солнце черный шоколадный лед.

В студии, хлюпая дорогой косметикой, модная девица отработывала евро, рассказывая, как Вирг Сафин набросился на нее в фотостудии. Зрительская часть аудитории слилась, похоже, в едином порыве: мужская часть завидовала Сафину, а женская – девице.

В этот момент пришла Ксюха, и я вкратце пересказала ей сюжет. Ксюха фыркнула: «Тоже мне, бином Ньютона! Эти звезды – все они сплошные уроды. А девка бабки зарабатывает – бесится, что не вышла за него замуж». И Ксюха, знающая биографии всех знаменитостей, очень подробно поведала мне, что Сафин никогда не был женат.

– Никогда? Такой красавец! – ахнула я, так как в этот момент на весь экран появилась модная глянцевая фотография, на которой Вирг Сафин, весь одетый в кожу, восседал на дорожном байке... Он бал таким сексуальным, что и у меня, и у Ксюхи загорелись глаза.

– Красавец, точно! – иронично констатировала Ксюха. – Вот бы такого затащить в койку! Но... он – урод.

– Откуда знаешь? – почему-то вспыхнула я.

– В интернет загляни, деревня! Ты только введи в любом поисковике «Вирг Сафин» – сама все поймешь.

– Интернет – помойная яма, в которой копаются одни недоумки, – сама не зная почему, рассердилась я, – обгадить в интернете кого угодно – ничего не стоит! Это просто общественный туалет.

– Поцелуйся с Сафиным – он тоже интернет не любит. – Ксюха была в ударе, – тебе надо было родиться в девятнадцатом веке вместе с Сафиным.

Я не поверила рассказу девицы, как и не поверил ведущий. Мне казалось, в этой нелепой побасёнке не было ни одного правдивого слова. Но я досмотрела шоу до конца, хоть и не смотрю такую глупость.

Когда на экране появлялись фото Сафина, внутри меня все сжималось. После мне еще месяца три снились его грубые азиатские скулы и, проснувшись в поту, я неистово мастурбировала.

Суд был громким. Три недели подряд ставила сводки из суда (как хронику боевых действий) в топ-новости, чем довела до белого каления главного редактора, впрочем, мне было не привыкать.

Девушка обвиняла его в избиениях, угрозах и извращенных сексуальных действиях – к примеру, принуждение к «золотому дождю». Она заявляла, что Сафин держал ее взаперти в подвале своего загородного дома и приковывал цепями к стене.

Но факт, что девушка никогда не была в его загородном доме, Сафин опроверг очень легко, представив показания свидетелей и записи видеокамер.

Апофеозом же стало подтверждение алиби Сафина: когда он якобы удерживал девушку в своем доме, он был в Испании, готовя совместный арт-проект к Венецианскому биеннале с испанским фотохудожником. Алиби было подтверждено полностью, и с Сафина сняли все обвинения.

Празднуя свою победу, Сафин устроил крутую вечеринку в одном из самых дорогих ночных клубов (название клуба я так и не запомнила). Об этой вечеринке еще три недели писали все СМИ, и не только в интернете. А потом он в компании двух моделей-близнецов, снимающихся для порно-журналов, укатил отдыхать на Майорку. Об этом я уже не стала писать.

Без сомнения, Вирг Сафин был самым сексуальным мужчиной из всех, кто мне встречался в жизни. Вернее, самой сексуальной фотографией из всех. Секс был во всем – в кошачьем разрезе его узких темных глаз, в выступающих резких скулах, в длинных черных волосах, лежащих на обнаженных мускулистых плечах. Именно так ему нравилось выглядеть на большинстве фотографий, и я не сомневалась в том, что сам он себя считает неотразимым. Впрочем, для меня главным в его внешности была не красота, а проявляющаяся во всем, просто выходящая наружу его сексуальность. И жажда секса была основной составляющей образа.

Через полгода Вирг Сафин вновь стал топ-новостью на всех интернет-сайтах. Его машину, крутой внедорожник Jeep, взорвали возле дома.

Сафин с очередной подружкой (какое-то рыжее насекомое с силиконовым телом, кажется, начинающая певичка) шли по дорожке к воротам дома к припаркованному автомобилю. Они не успели дойти до машины, как оглушительным взрывом джип подбросило в воздух. Сафина вместе с подружкой ударной волной отбросило на садовую дорожку. Этот взрыв «сделал» первые полосы всех газет на очень долгое время.

В покушении Сафин обвинил своего американского продюсера – крупного нью-йоркского галериста, раскручивавшего в Америке его работы. Вроде бы они не поделили какие-то деньги, и продюсер-галерист решил ему отомстить.

Но многие утверждали, что это было не покушение, а показательная акция одного из тех, кому Сафин наступил на хвост. А учитывая оригинальность его фотопортретов, таких было много. Как никто другой Сафин умел выставлять людей в самом неприглядном свете, не делая никаких различий ни для политиков, ни для олигархов, ни для звезд. Этот его талант и держал Сафина на постоянном пике популярности, потому что фотографии, сделанные им, были абсолютно уникальны, непредсказуемы и не могли надоесть.

Но еще больше было тех, кто утверждал, что взрыв был пиар-акцией самого Сафина, придуманной, чтобы привлечь больше внимания к его персоне. Нужно сказать, что именно такие нестандартные акции и сделали Сафина мегазвездой.

В тот год я работала редактором новостной ленты – ставила материалы на газетный сайт. Также я сама и писала, и редактировала статьи, а по мере необходимости и брала интервью у политиков, плативших газете деньги, и даже делала рекламу.

Три года назад я развелась с мужем, и мы вдвоем с 14-летним сыном жили в двух крошечных комнатах на окраине города. Мой значительно подросший сын проводил все свое время между футболом, интернетом, отцом и бабулей (моей мамой). Он даже ночевать предпочитал

то у бабушки, то в квартире отца (никак не смущаясь присутствием его новой жены). Я всегда маячила на заднем плане, потеряв контакт с сыном где-то в его 10-летнем возрасте.

Из меня не получилась ни жена, ни мать, да и женщиной я была никакой. Обыкновенная толстая тетка под 40, каких полно на улицах любого большого города. Имя им – легион. Вдобавок ко всему я не была красивой. Так уж вышло...

Дальше, наверное, следует переходить к самой истории. К той, что началась душной ночью не по осеннему теплого сентября и закончилась в ночном аэропорту.

В ночь с субботы на воскресенье я проводила время в квартире в одиночестве – сын на выходные был у моей мамы. День прошел отвратительно. Приняв анальгин (голова раскалывалась), я очень рано легла спать. Но громкий звонок мобильного вырвал меня из такого приятного сна. Сначала я даже не могла сообразить, что происходит, где нахожусь... Было около полуночи, а звонила моя подруга Ксюха.

– Ты стоишь?! Немедленно сядь!

– Вообще-то я уже сплю.

– Сейчас ты точно проснешься!

– Давай завтра. Я не в настроении, и...

– Вирг Сафин приезжает в наш город с выставкой.

– Что-о-о?!

– Ты слышала. Вирг Сафин приезжает в наш город с выставкой – впервые.

Я села на кровати, сон сняло как рукой.

– Когда?

– Одиннадцатого сентября – через три дня.

– Как ты узнала?

– Одна моя знакомая дружит с хозяйкой галереи «Королевский замок». Именно там будет проходить выставка. Ты обязана достать пригласительный на открытие! Я тебя убью, если ты не подсуетишься! Она сказала, что в день открытия будет закрытая вечеринка для vip-персон. И я тебя задушу, если мы с тобой не будем на этой вечеринке!

Сидя на кровати, я пыталась осмыслить полученную информацию. Выставка Вирга Сафина открывается 11 сентября. Говорят, он – Бог. Не знаю, что в нем такого, но город уже сходит с ума. Если уж Ксюха позвонила посреди субботней ночи...

– Не знаю, хочу ли я туда идти, – выдохнула я, – боюсь разочароваться, увидев его в жизни.

– Ты пойдешь, – в голосе Ксюхи послышался металл, – если надо, я потащу тебя туда на веревке. Когда в последний раз в нашу деревню приезжала подобная звезда?! Ты хоть понимаешь, кто такой Вирг Сафин?!

– Известный фотограф.

– Он – мировая звезда. Мегазвезда мирового уровня. От его работ сходит с ума весь мир! А ты сидишь тут, дура старая, и сопли распустила – вживую, не вживую... Так и сдохнешь, ни хрена в жизни не увидев. Ты просто...

– Ксюха, уймись! Я постараюсь достать пригласительный.

– Молодец. Вот так бы и раньше. Действуй!

Ксюха отключилась, а я вдруг поняла, что действительно уже не смогу вернуться к прежней жизни. Я умру, если не достану пригласительный! Я достану пригласительный. Я себя знаю.

Воскресное утро застало меня на улицах центра города. Я шла очень медленно, останавливаясь на каждом углу. Нет, конечно же, я не считала ворон. Каждый угол, каждый таблоид, каждый постер в углу захудалой закусочной – все это было обклеено яркими, красочными плакатами. И со всех этих плакатов на меня смотрело одно и то же лицо. Конечно, не на меня. Просто так. В пустоту.

«Уникальная выставка Вирга Сафина. Портреты Вирга Сафина. Вирг Сафин – „КОРОЛЬ ШАНТАЖА“».

Выставка, которая через несколько дней должна была открыться в нашем городе, называлась «Король шантажа». Это название придумал, разумеется, Вирг Сафин.

Никто не знал его настоящего имени, но все знали о том, что Вирг Сафин – не просто фотограф. Он даже не фотохудожник. Равных его снимкам нет во всей вселенной. Он открывает окно в другой мир. Он отражает тени, отпечатки, снимки душ живых людей в потустороннем мире, обнажая их сущность, и слой за слоем снимает самый сокровенный покров.

Глава 2

Чтобы достать пригласительный, у меня были только три возможности, и все они рухнули к вечеру воскресенья.

Первой я позвонила хозяйке галереи «Королевский замок» – самый разумный звонок. Гламурная стерва отказала почти сразу. Да еще так, что я диву далась!

– Милая моя, да у меня еще сорок человек в дополнительном списке! Это будет исключительно закрытое мероприятие. Организаторы Сафина потребовали очень строго: вход только для випов, которые могут заплатить за его работы. А фотографии Сафина стартуют, между прочим, от тридцати тысяч евро. Так что пригласительный вам – просто смешно. У меня сорок депутатов горсовета ждут пригласительный! А тут вы... Насмешила, честное слово.

Я позвонила пиар-менеджеру из крупного информагентства, которое сопровождало туры знаменитостей и организовывало пресс-конференции всех звезд. Он буквально рассмеялся мне в трубку.

– Вирг Сафин не общается с журналистами. Он ненавидит всю прессу. Как ты, журналист, можешь это не знать? Ну, ты даешь! Так что никакой пресс-конференции не будет. Да, мы встречаем его в аэропорту, но он потребовал шесть человек секьюрити. Ты не поверишь, но мы специально наняли бывших беркутовцев. Все те еще лбы... Так что к нему никто даже близко не подойдет. График его расписан по секундам: прием у губернатора, прием у мэра, потом ему будет позировать жена нашего местного олигарха для фотопортрета, а потом – открытие выставки, на которое попадут только избранные. Не поверишь, жену не могу провести! (тут его прорвало на откровенность). Ох, ты бы видела его райдер... Терраса с выходом на море – и это в 5-звездочной гостинице, какие-то японские водоросли в меню, рыбный массаж – в смысле рыбки делают (это сейчас модно), СПА-салон и вдобавок еще редкий кондиционер для волос! Мои люди уже два дня, высунув язык, бегают по всему городу в поисках этого хренового кондиционера. Сегодня пообещали прислать из Парижа, а ты говоришь, пригласительный! Чувствую, из-за этого хрена гламурного у меня поседет пол головы!

Совершенно расстроившись, я уселась к компьютеру – все правильно. Вирг Сафин не общался с журналистами. Он никогда не давал интервью. Поговорить он мог только на самых популярных ток-шоу на центральных телеканалах. Но и то на телевидении он не частил. По слухам, за свое участие Сафин брал сумасшедшие гонорары. Эта замкнутость и сделала его мегазвездой. Именно так удерживал он свою звездность. Плюс, конечно, несравненные фотографии.

Звезды мира рвали глотки за право позировать Виргу Сафину. Он делал просто роскошные фотопортреты Мела Гибсона и Сильвестра Сталлоне. Черно-белая дымчатая гамма его работ стала легендой. Инопланетянин с Марса был досягаем больше, чем Вирг Сафин. Я начала отчаиваться.

Последней, третьей, возможностью, был мой главный редактор. Но он любил политику, и терпеть не мог Вирга Сафина. Это был абсолютно антигламурный тип. Счастье еще, что не приходил небритым на работу, так как боялся хозяина – крутого бизнесмена, помешанного на интернет-стартапах. Бизнесмен любил серьезность и за бороду вполне мог выгнать (к счастью, я сталкивалась с хозяином газеты всего дважды, и оба раза он меня не замечал).

Главный редактор, разумеется, рассердился.

– Достала ты меня с этим Сафиным! И что вы, бабы безмозглые, находите в этом типе? У меня с утра телефон разрывается, звонят тут всякие. Ты разве не слышала, что пресс-конференции не будет? Сафин не дает интервью. А приглашение я из принципа не взял. Давали мне позавчера, но я специально отказался, и тебе нечего туда ходить.

Ксюха выдвигала самые фантастические проекты: прыгнуть с парашютом на крышу и пролезть по вентиляционной шахте, спрятаться в галерее с ночи 10 сентября, ночью взломать окно и пролезть в главный зал на веревке, а потом спрятаться в туалете, застрелить секьюрити на входе и т. д. Как могла, я старалась охладить ее пыл.

– Видела я таких, правда, шесть беркутовцев – это не шутки. Близко никто не подойдет, поверь. Он не хочет, чтобы его фотографировали – это принцип его пиара. Я не принадлежу к вип-персонам. Сделать что-то еще я не могу.

Ксюха предложила броситься под колеса машины, которая привезет его в галерею. Рассмеявшись, на этой веселой ноте я повесила трубку. Было от чего веселиться.

Вирг Сафин, единственный из всех, кто заслуживал внимания, приедет в наш город, а я не попаду на открытие выставки. Я отдала бы полжизни, чтобы получить пригласительный, но в мире таких, как Вирг Сафин, я была всего лишь песчинкой, одной из ничего не значащих серых и досадных помех. Ничто не может поменять суть этого мироздания. Есть высший свет и низший. Я – из низшего мира, из самого низа цепи. Оставалось только смириться, потому что изменить ход событий было мне не под силу.

Утро понедельника выдалось хмурым. Опаздывая на работу, не выспавшаяся и мрачная, я плелась в редакционную комнату в полном разладе с собственной судьбой. Едва открыв дверь, меня чуть не сбил мощный вихрь движения, охвативший сотрудников, что было абсолютно не свойственно для 10 утра. В офисе царил странное оживление: все бегали, кричали в свои айпады, одновременно клацая на ноутбуках. Я тормознула одного из атомов этого броуновского движения.

– Ты ничего не слышала?! – атом вытаращил на меня глаза. – Сегодня ночью арестовали какого-то мудака, который месяц назад грохнул депутата Виталия Кораблева с дешевой девкой. Взорвал его джип и сбросил в заброшенный каньон.

От удивления мои глаза округлились, но я, вздохнув, отпустила атом, который тут же умчался в свою вселенную. Едва удобно устроившись за своим столом и включив компьютер, как главный редактор позвал меня в кабинет.

– Значит, так. Первым, и очень быстро, ставишь материал, который я только что сбросил на твое мыло. Шрифт огромный, иллюстрации поставишь те, что я отправил во вложении. Делаешь топ-новость сайта, ставишь на самое видное место. И побыстрее!

– Это про арест убийцы Кораблева?

– Про него... – редактор кратко выругался сквозь зубы, – и надо ж было именно теперь...

– А он кто?

– Из этнических. Сегодня взяли около четырех утра на квартире в Киеве.

Открыв материал, я не поверила своим глазам. Тупо уставившись на экран, читала заголовки: «Портреты Вирга Сафина предсказывают судьбу». Дальше – подзаголовок, лид: «Фото-портрет, сделанный Виргом Сафиным, предсказал гибель известного украинского политика Виталия Кораблева в автокатастрофе». И жирным шрифтом – подпись автора. Автором этого творения значился мой главный редактор.

Статья была написана холодным, казенным языком. Было заметно, что эту казенную сухость скачали из интернета – я написала бы статью лучше. Речь шла о так называемой «технологии рассеянного света» – особом техническом приеме фотосъемки, которую изобрел Вирг Сафин. Именно этот прием и придавал его фотографиям ту уникальность, которую никто не мог повторить.

Изобретя «технология рассеянного света», Вирг Сафин стал утверждать, что делает свои фотопортреты в потустороннем мире, обнажая внутреннюю сущность человека и предсказывая его будущее. Так удалось увидеть близкую смерть, угрожавшую Виталию Кораблеву.

Я поставила статью о Вирге Сафине, как и было велено, на самом видном месте, с огромной его фотографией.

В конце дня в кабинете редактора я застала хозяина газеты. Не удостоив меня ни взглядом, ни кивком, он вышел сразу, едва я появилась в дверях, как будто я была пустым местом. Даже редактор почувствовал неловкость от этой откровенной грубости – что уж было говорить обо мне. Настроение испортилось, но то, что я услышала дальше, добило меня еще больше.

– Организовывается акция перед галереей в день открытия выставки Сафина. Что-то вроде протеста против того, что он не общается с местными журналистами и против его откровенных фотографий. Короче, не мне тебе объяснять. Организуют серьезные люди – все проплачено. Ты пойдешь от нашей газеты, сделаешь несколько снимков и видео, поняла?

– Почему я?

– Хозяин велел отправить опытного человека, а кто опытнее тебя? От нас ждут разгрома Сафина – это приказ хозяина, и мы не будем обсуждать его дела. Да, и не надейся – на выставку вас не пустят: все участники пикета будут стоять под дверью.

– Я не хочу...

– А зарплату хочешь? Может, тебе не нужны деньги?

Еще как были нужны! Зарплата в газете была единственным источником моего существования. К тому же на рынке СМИ была страшная безработица, и я знала, что по городу рыщут толпы голодных, безработных журналистов. На мое место претендовало человек 10 – не меньше. Поэтому я согласилась.

После работы ноги сами понесли меня к галерее «Королевский замок», минуя автобусную остановку. Дом, в котором размещалась галерея, был роскошным. Авторский дизайн здания действительно превращал его в старинный средневековый замок. Мрачная готическая атмосфера точно соответствовала черно-белым фотографиям Вирга Сафина. К тому же это был самый центр города.

Я села на какую-то тумбу напротив закрытого входа галереи, и уставилась в асфальт депрессивный взгляд, как вдруг... Вдруг что-то привлекло мое внимание – что-то блестящее, застрявшее между мраморных камней клумбы. Заинтригованная, я подошла ближе и достала небольшой серебряный медальон на кожаном шнурке – абсолютно потрясающую вещь! Медальон был из чистого серебра (сзади была проба) в виде какой-то языческой руны, напоминающей кельтский крест, но это был не он. Приглядевшись, я увидела, что крест состоит из крошечных кинжалов с необычайно тонкой огранкой – явно дорогая работа. К тому же это была очень стильная и изящная вещь.

Медальон притягивал мой взгляд, гипнотизируя утонченной красотой. Тонкий кожаный ремешок приятно охлаждал ладонь, а символ хищно поблескивал металлом в уже гаснувшем сумеречном свете. Я решила оставить медальон себе, более того: одеть его, когда отправлюсь на этот кошмар перед выставкой Сафина. Мне почему-то казалось, что он придаст мне сил.

Одиннадцатое сентября врезалось в мою память, особенно то, что было после шести вечера – все остальное (утром) как-то вылетело из головы.

Итак, 11 сентября, 18:00. Я стояла перед зеркалом и ломала голову, что надеть. Длинную летнюю юбку с большими цветами, купленную на распродаже, или дорогие модные джинсы из крутого магазина. Вариант с юбкой проще. Если ее порвут в заварушке – не жалко. Других же хороших джинсов у меня нет. К тому же вряд ли миллионер Сафин обратит на меня внимание – особенно на юбку стоимостью в три доллара. Значит, нечего и думать. К тому же, жара.

Я натянула пышную цветастую юбку и синюю майку-топ, к которой до боли привыкла. На темной майке особенно красиво смотрелся мой новый медальон.

Все подъезды к «Королевскому замку» были уставлены vip-машинами. С трудом протиснувшись в переулке и лавируя между «мазератти», «бентли» и «поршем», возле самого входа я увидела группу с плакатами. Кажется, мои проплаченные придурки.

11 сентября, 20:00. В майке-топе было зябко. Знакомая девица с одного из телеканалов поморщилась, глядя на мою несусветную юбку: «Ты с цыганской ярмарки?» В ответ я ей показала неприличный жест рукой.

В галерее собирались выпы. Рядом с нарядами от кутюр моя юбка... ну да ладно. Я бы им тоже сделала неприличный жест рукой, только они на меня не смотрели.

Знакомый оператор с телеканала неожиданно стал прижиматься ко мне, явно он был не прочь залезть под мою «цыганскую» юбку. На душе по-прежнему было тоскливо.

– По зомбоящику он выглядит лучше, правда, – сказал оператор, доверительно положив руку на мое плечо.

– Ты его видел? – от неуклюжих заигрываний у меня разболелись зубы.

– Сафина? Он уже приехал.

– Как это?

– Посмотри вон туда!

Я посмотрела вперед – в самую гущу плотной группы в начале переулочка. Спины, животы, животы, спины... Все так плотно, ничего толком не разглядеть. Мои заплаченные коллеги что-то выкрикивали – это же типа акция. На душе стало еще тоскливее.

Сафин появился так внезапно, что у меня разболелось горло. Он возник из ниоткуда, прямо из толпы. Совсем близко, я успела почувствовать даже запах прессованной кожи, исходящий от его модных кожаных брюк. Вот прямо из воздуха возникли темные азиатские глаза и резко очерченные скулы в обрамлении рассыпавшихся по плечам длинных черных волос.

Он был так красив, что у меня перехватило дыхание. И в тот момент, когда он вдруг материализовался из воздуха, он был абсолютно один. Сзади, конечно, была охрана, но это был какой-то непостижимый момент...

Я вдруг увидела только его. Все это четко отпечаталось в моей памяти. Я смотрела и понимала: этот человек один, он всегда был один, никто не мог его защитить. Наброситься на него – это уже слишком, жестоко и ненормально. Ненавижу заплаченные акции. Я развернулась, собираясь уходить.

Толчок в спину резко выбросил меня вперед, и в толпу журналистов врезались охранники, камеры раскалились, и ловеласу-оператору было уже не до меня. То, что произошло дальше, невозможно объяснить: на своем лице я вдруг почувствовала темные, неподвижные глаза Сафина. Его взгляд на какое-то мгновение застыл... А потом... Он сделал едва уловимый жест рукой в мою сторону и скомандовал:

– Пропустить.

Сам же исчез в тот момент, едва я успела понять, что происходит. Ко мне тут же подошел один из охранников Сафина и тоном слаще меда заявил:

– Пожалуйста, проходите.

Передо мной раскрылись заветные двери галереи, и я переступила порог. За спиной зависла тишина. Никто из моих коллег так и не понял, что произошло. Охрана расступилась, и я сделала шаг вперед. Одна.

Фотопортрет Виталия Кораблева висел в самом центре первого зала галереи. Пораженная его пророческой красотой, я застыла.

Я смотрела на удивительное совмещение тела человека и корпуса автомобиля. Одно плавно перетекало в другое, и в самом конце превращения разбивались в прах. Сама фотография (поверхность, покрывающая большой фотопортрет) была покрыта тонким слоем треснувшего, расколотого и заметно почерневшего стекла. А рамка выполнена в виде лобового стекла дорогого автомобиля.

Создавалось впечатление, что сквозь треснувшее лобовое стекло машины заглядываешь в автомобильный салон. На стене была не фотография, не портрет, а настоящая часть машины,

деталь, причем пострадавшая в аварии, потому что стекло треснуло мелко-мелко, как бывает от очень сильного удара. После этого стекло накрыл огонь.

Руки человека и его тело плавно перетекали в автомобильные крылья, и было совершенно не понятно, то ли человек плавно превращается в автомобиль, то ли автомобиль хищно поглощает его. Отчетливым пятном выступало человеческое лицо – расчетливое, надменное, знакомое лицо Виталия Кораблева. И, как и весь интерьер салона, оно было покрыто сетью мелких обугленных трещин – сгорало на глазах.

Ничего подобного раньше я не видела. Честно говоря, меня прошиб холодный пот, я задрожала, словно температура в зале понизилась до нуля градусов. Действительно, разобраться было сложно: то ли Вирг Сафин гений, то ли сумасшедший, то ли пророк.

Все еще дрожа, я отошла от страшной картины и медленно пошла по заполненному залу. Людей было так много, что к фотографиям проходило пробиваться, и все равно не удавалось рассмотреть.

У проходящего мимо официанта взяла бокал с шампанским. Сафина нигде не было видно.

Галерея состояла из трех залов на первом этаже, а также у нее имелся внутренний дворик, в котором и был накрыт фуршет. Оттуда, из дворика, доносилась легкая музыка и женский голос, певший на французском. Сафин любил обставлять свое пребывание с роскошью.

Во втором зале мое внимание привлекла фотография молодой женщины, обнаженной до пояса, с удивительно красивым и печальным лицом. Весь ее портрет словно был покрыт легкой дымкой, создававшей иллюзию печали. На ее шее почему-то была завязана толстая черная бархатная лента, которая ужасно портила весь ее облик. Уродливая бархатка словно отделяла ее голову от тела. Я задумалась: почему так?

Наверное, я стояла возле этого портрета достаточно долго, потому что потеряла ощущение времени. Как вдруг... Громкие голоса, топот, что-то похожее на вспышки камер, и...

Обернувшись, совсем рядом я увидела Вирга Сафина, который вел под руку жену мэра, элегантно склоняясь к ней с высоты своего роста. Зал моментально заполнился людьми, так что случайно я попала в самый центр экскурсии, которую Сафин проводил для избранных по своей выставке. Рукой он указал на портрет.

– Это знаменитая испанская актриса... – он назвал имя всем известной звезды, – она была моей первой зарубежной моделью. Я делал несколько ее фотопортретов – почти все они в зарубежных музеях и частных коллекциях, у меня остался только этот. Она была удивительно красивой и веселой. Сложно было даже представить, что у нее такая печальная судьба.

Поймав вопросительный взгляд жены мэра, Сафин улыбнулся:

– Через два года после того, как я сделал этот портрет, она умерла. По слухам, покончила с собой, повесившись в своем доме в Малибу.

Черная бархатка на шее. Повесилась... Я ахнула – это произошло так произвольно, что все пары глаз устали на меня. Мне было плевать на все глаза... кроме одних. Среди этих глаз вдруг оказались два черных буравчика, пронзившие меня таким пристальным взглядом, что я растерялась. Нахмурившись, Сафин смотрел прямо на меня.

Мне вдруг показалось, что он понял, почему именно я не сумела сдержаться. И что на это повлиял и портрет Кораблева тоже. И еще мне подумалось (хотя это было полным абсурдом), что ему все это не понравилось.

Развернувшись на каблуках, Сафин резко направился в другую сторону, увлекая всю толпу за собой. В одиночестве и растерянности я стояла возле портрета.

Автокатастрофа Кораблева, повесившаяся испанская актриса... Что за человек Вирг Сафин? Он не так прост и, похоже, совсем не такой, каким кажется на первый взгляд.

Вдруг меня осенила догадка, и это было внезапно, как озарение, что лично мне Вирг Сафин кажется человеком, скрывающим в себе какую-то тайну. Вот бы мне удалось ее разга-

дать! Он явно пришелец из другого мира. Его поведение не поддается никаким логическим анализам и нормальным человеческим объяснениям. Взять хотя бы этот странный поступок: внезапно выделил меня из толпы, велел провести в галерею, а сам даже не подошел!

Конечно, я и сама понимала, что совсем не выглядела, как аппетитный сексуальный приз, за которым станут охотиться все мужчины. Но для чего-то же он меня позвал? Тяжко вздохнув, я быстро пробежалась по всем залам и вышла во внутренний двор галереи.

Было совсем темно. Во дворике шла оживленная тусовка, центром которой был, конечно, Вирг Сафин. Толпы длинноногих красавиц не отходили от него, фотографируясь с ним.

Мне достался еще один бокал шампанского (нашла столик, где оставалось спиртное). Бросила печальный взгляд на тусующегося Сафина и подошла к фонтану в центре дворика – изящной скульптуре из бронзы: мальчишка-арапчонок лил воду из узкого кувшина, а вокруг были четыре рыбы с широко раскрытыми ртами. Интересно, что хотели поймать рыбы в свои жадные рты?

Потом... Потом я почувствовала себя так, словно через мое тело пропустили электрический ток. Дело было даже не в чужой руке на моем плече, а в том, чья это была рука. Длинный палец, чуть царапающий кожу на моем предплечье, двигался все ниже и ниже... Странное ощущение: само прикосновение было похоже на боль, которая со временем трансформировалась во что-то другое. Я не могла описать это словами. Просто от эротичности этого не похожего ни на что жеста у меня перехватило дух.

А длинный палец с аккуратным ногтем все двигался по моей коже, царапая и словно пытаясь ее поддеть. Я так и не поняла, как и откуда он подошел ко мне, как возник за моей спиной. Только руку Вирга Сафина нельзя было перепутать ни с чьей другой, и, не оборачиваясь, всем своим женским инстинктом я знала, чувствовала, верила, что это он.

Замерев и боясь дышать, боясь, что он уйдет, и сладостная боль этого прикосновения закончится, превратившись в невыносимую пытку, я вдруг почувствовала, что Сафин наклонился ко мне, и ощутила шелковистость его волос.

– У тебя потрясающая кожа! – он говорил очень тихо, так, что я едва различала слова (и, о чудо, он был рядом со мною один, совершенно ОДИН! Как это произошло?), – потрясающе нежная кожа... Бархатная, мягкая, цвета меда... Лучший цвет кожи, который я видел. К тебе так приятно прикасаться. Ты чувствуешь боль?

Резко, ногтем, он вдруг сильно царапнул мое плечо – я вздрогнула от неожиданной боли. Но в тот же момент подушечкой пальца он провел по саднящему месту с такой нежностью, что все мое тело сладко затекло, а внизу живота мучительно заныло от охватившего меня желания. Это сексуальное желание было так сильно, что мне стало трудно дышать.

– Ты чувствуешь боль? – повторил Сафин, надавливая ногтем снова.

– Нет, – это было больше похоже на стон, чем на ответ, – о, нет...

Мне хотелось сказать, чтобы он не прекращал, чтобы не прерывал эту мучительную сладость... Но почему-то я не могла.

Его глаза вдруг стали очень внимательными. Он смотрел на меня слишком пристально, пытаясь прочитать что-то на моем лице. Все это время, что мы разговаривали, он гладил мое плечо и руку, то вонзая в кожу ногти, то эротично лаская кожу мягкими подушечками пальцев.

– Ты красивая, – голос Сафина вдруг зазвучал более твердо, – и у тебя очень красивая кожа. Бархатистость женской кожи – это шедевр света и тени. Шедевр, созданный для наслаждения, полета мысли. Нет ничего лучше женской кожи.

Я повернулась к нему, пытаясь прочитать в его глазах что-то более важное, чем смысл слов, который я так и не поняла. Но ничего не прочла – все изменилось так же внезапно, как и началось.

Резко дернувшись, Сафин вдруг убрал руку с моего плеча и, подхватив за талию пробежавшую мимо длинноногую девицу, умчался с ней в центр тусовочной толпы. Мне было так обидно, что я едва не разревелась.

Я так старалась сдержать слезы, что вдруг почувствовала злость и, закусив удила, решительно вступила в окружающую Сафина толпу. Я остановилась прямо напротив него и заявила:

– Мы можем поговорить?

Лицо Сафина было бесстрастным, как у китайского Будды. Моя наглость не вызвала в нем никаких эмоций, ни интереса ко мне, ни возмущения.

– И что ты хочешь узнать?

– Почему я? Почему я здесь?

– Обычная любезность – ничего больше. Стояла такая жалкая в стороне, вот я и решил помочь.

Не знаю, сколько человек прислушивались к этому разговору. Предполагаю, что их было немало. Но мне было наплевать.

– Автомобиль Кораблева... Бархатка на шее... И моя кожа, сейчас, – я сама не понимала, что несу – я говорила просто так, чтобы он не ушел.

Внезапно я поняла, что Сафин пытается всунуть мне в руку какой-то прямоугольник. Это была визитка.

– Не сейчас. Не время, не место. Я еще пару дней буду в городе. Если дозвонишься, поговорим.

На обратной стороне визитки от руки был написан номер его мобильного телефона. Пока я рассматривала карточку, Сафин исчез.

Я все-таки попыталась его найти и нашла на свою голову. Увидела я его в тот момент, когда он садился в мерседес представительского класса, припаркованный возле служебного выхода со стороны внутреннего сада галереи. Его сопровождали все та же длинноногая девица и два охранника.

Двери автомобиля захлопнулись. Мерседес укатил, увозя Сафина вместе с пошлой длинноногой девицей, и я очень сомневалась в том, что вместе с ней Сафин будет просто пить чай.

Я решительно мотнула головой («ну что, получила мордой об стол? Так тебе, дуре, и надо!») и вернулась во внутренний дворик.

Выпив подряд четыре бокала шампанского, меня порядочно развезло. От шампанского или от злости – я не знала, от чего больше. Но боль прошла. Канделябры кружились в замысловатом танце, а хриловатый голос шансонетки сексуально пел о любви.

«Абонент вне зоны досягаемости сети. Пожалуйста, перезвоните позже или отправьте СМС-сообщение». «Здравствуйте! Вы позвонили абоненту №... Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала».

«Здравствуйте, я... Вы оставили мне свой номер телефона. Если это возможно, я хотела бы с вами поговорить».

«Абонент вне зоны досягаемости сети. Пожалуйста, перезвоните позже или отправьте СМС-сообщение». «Здравствуйте! Вы позвонили абоненту №... Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала». «Извините, я уже звонила сегодня... По поводу встречи. Извините. Я перезвоню позже».

Это было рабочее утро. Будни. Я блеяла в кабинете главного редактора и опускала глаза. Редактор махнул рукой и милостиво разрешил ничего о вчерашней акции не писать. Пулей я вылетела из кабинета.

Мобильник раскалился от громкого звонка – на всякий случай я поставила сигнал на полную мощность. Мои коллеги готовы меня убить, но не спешили. Им было слишком любопытно, кто звонит.

Схватила мобильник... Звонила Ксюха... Горькое разочарование... Пошла в туалет...

– Это ПРАВДА?! Правда-правда?! Тебя завел внутрь сам Вирг Сафин? Говори!

– А нечего говорить. Я и сама не знаю, почему он велел меня пропустить. Просто так, наверное. Ничего не было. Он ко мне даже не подошел.

– Шутишь! А ты?

– Я, конечно, пыталась подойти, но мне не удалось. Ничего не получилось, честно. Его окружала такая толпа людей, что танк бы не пробился.

– Что же ты сделала?

– Ничего. Выпила четыре бокала шампанского. Ну... Не совсем четыре, конечно...

– А Сафин?

– Тоже ничего. Он даже на меня не смотрел.

– Вот так просто? Пила шампанское и не пыталась с ним поговорить?! Ты – идиотка!

– Я знаю. Я – идиотка.

Ксюха нажала отбой. В словах моей подруги звучал абсолютно здравый смысл. Ксюха была права. Я – идиотка!

«Абонент вне зоны досягаемости сети. Пожалуйста, перезвоните позже или отправьте СМС-сообщение». После этого должна включиться голосовая почта. «Здравствуйте! Вы позвонили абоненту №... Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала». Я – идиотка. Отбой.

Глава 3

Звонил мой мобильный телефон. На часах было десять минут четвертого утра. Глухая тьма. Даже уличное освещение за окном отключили, поэтому комната была погружена во мрак. Схватила мобилник и не поверила своим глазам – мне звонит Вирг Сафин.

Голос его был сух, холоден и деловит. Говорил так, словно звонил деловому партнеру.

– Гостиница «Ройял Палас». Жду завтра в 7 вечера. Как подойдешь к дверям, перезвони.

– Я...

– И будь добра, прекрати мне названивать! У меня уже инстинкт раздражения выработался от твоих звонков!

Отбой. Тупо уставившись в телефон, я пыталась понять, что это было. То ли обещание, то ли угроза. Может, и то, и другое вместе. Очень странный человек.

Почему? Я не находила ответа на вопросы, которые нависли надо мной страшными, безмолвными призраками. Этому звонку было суждено изменить всю мою жизнь.

Я зажгла прикроватную лампу. Чтобы окончательно успокоиться, встала и залпом выпила рюмку водки. Затем села на кровать, пытаюсь успокоиться. Вирг Сафин все-таки мне позвонил.

Невозможность вдруг стала реальностью. Что изменилось? Я не знала. Но я твердо знала, что ни за что на свете не скажу об этом Ксюхе. Мои отношения с Виргом Сафиным – это глубочайшая тайна всех времен и народов. А моя тайна умрет вместе со мной.

Ломая голову над нарядом, я остановилась на самом простом варианте: темно-зеленое короткое платье, выгодно облегающее мою фигуру, и черные туфли на шпильке. Ровно в семь, хлопнув дверцей такси, я застыла на ступеньках дорогой гостиницы, глядя на хрустальные люстры в глубине холла.

Подойдя ко входу в отель и увидев свое отражение в стеклянной двери, я вдруг оказалась себе пугалом: ни дать ни взять – проститутка из сельской местности в поисках клиента. Думать так было глупо. Я потянулась к телефону. Люстры в бешеной круговерти закружились в моих глазах. Он моментально сбросил звонок.

Дверь открылась. Напротив меня возник один из охранников в черной униформе. Сафин послал за мною охранника. Самолюбие сжалось, получив такой серьезный щелчок.

– Пожалуйста, следуйте за мной. Вас ждут.

Весь день до семи часов мое не на шутку разыгравшееся воображение рисовало мне романтический вечер, и свечи, зажженные в честь нас двоих.

Но за банкетным столом в роскошном золотом зале ресторана сидело человек 30 – не меньше. И среди них был Вирг Сафин.

Я увидела его сразу, еще с порога. Он сидел в середине стола, смеялся, шутил, ловил на себе чужие восхищенные взгляды. А рядом с ним... Это был удар, полностью нокаутирующий мое самолюбие с залетом в полную кому. Рядом с ним сидела та самая девица, с которой он ушел с вечеринки в галерею: длинноногая блондинка с длинными волосами и пышной грудью. И Сафин обнимал ее за плечи.

Я развернулась, чтобы уйти, но охранник взял меня под локоть и буквально силой подвел к столу. Так я оказалась напротив Сафина. Официант тут же налил мне шампанского и положил какую-то закуску, но у меня совершенно не было аппетита. Казалось, меня вообще вырвет, если я прикоснусь к еде. Чтобы успокоиться, я залпом выпила шампанское. Глядя на меня, Сафин нахмурился, но я стойко выдержала его взгляд.

– Как тебя зовут? Я забыл, – сказал Сафин.

Вообще-то я не называла ему своего имени, потому что он не спрашивал, но это было долго объяснять. Поэтому я просто назвала свое имя. Услышав его, с первых же слов Сафин оgoroшил меня, будто ударом по голове:

– Тамара. Царица Тамара. Никакая ты не царица. И не будешь ею, можешь не смотреть на меня так. Мне нравятся простые имена – Маша, Оля. А твое имя слишком претенциозно. Оно такое же претенциозное и наглое, как и ты сама!

Окружающие угодливо захихикали. Сначала я не знала, что сказать, но выпитое шампанское ударило мне в голову и придумало за меня. И я не выдержала.

– Лучше носить имя мертвой царицы, чем вообще не иметь имени – никакого, совсем.

За столом повисла мертвая тишина, и я подумала, что сейчас меня выгонят. Сама напросилась. Но вместе этого Сафин вдруг поднялся из-за стола и, улыбаясь, протянул мне руку:

– Пойдем.

Совершенно обалдев, я вложила свою руку в его ладонь и пошла за ним, как, наверное, пошла бы и на край света. Судьба моя решилась именно в тот самый момент. Собственно, в этом моменте не было ничего обыкновенного. Но для меня Вирг Сафин был настоящей иконой. И, как к иконе, я пала к его ногам.

– У нас очень мало времени, – сказал Вирг Сафин, усаживая меня на небольшую банкетку в отдаленном полутемном вестибюле гостиницы, устраиваясь на диване напротив, – говорить здесь нельзя. Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Киев. Когда ты сможешь приехать?

Я ожидала все что угодно, но только не этого. Я так онемела, что даже забыла задать главный вопрос: зачем.

– Я... не знаю... На следующей неделе, наверное. Отпрошусь с работы.

– Вообще уволюсь с работы. Тебе больше не нужно работать. Это смешно.

– А... на сколько приехать?

– Насколько захочешь. Сколько сможешь меня выдержать, столько и будешь со мной. До тех пор, пока сама не захочешь все порвать. Теперь все зависит от тебя. Со мной очень сложно. Я знаю. Но если ты сможешь выдержать, ты останешься со мной надолго, если же ты захочешь уехать, я дам тебе денег и отпущу домой.

Совершенно ошарашенная и сбита с толку, я вдруг поймала себя на мысли, что не отрываясь смотрю на небольшой серебряный медальон, который был виден в отвороте рубашки Сафина. Этот медальон чем-то похож на мой: серебро на черной полоске кожи, я вроде бы уловила странные очертания кельтского креста.

– Я хочу, чтобы ты приехала. Я не знаю зачем, но ты мне нужна. Все это время я думаю о тебе. Я не знаю почему, но ты не выходишь из моих мыслей. Ты нужна мне, хотя я и не понимаю зачем, – говорил Сафин, убивая меня одним звуком своего голоса вернее, чем пистолетным выстрелом.

Бросить все? Уехать к этому человеку? К человеку, который, сидя напротив, не отрывает от меня глаз, но даже не пытается прикоснуться? Запросто!

Я повторила бы миллион раз, но тогда было достаточно одного только слова. Я сказала «да».

Подхватив тяжеленную сумку, я спустилась на несколько ступенек вниз в посадочный зал. Самолет вылетал через полтора часа, но почти все места ожидания были заняты. Этот рейс был популярен.

Я сжалась на остром уголке пластикового стула. Невыносимо воняло какими-то химикатами. Отравленный воздух (авиационное топливо, масла, дезинфекция) проникал сквозь множество вращающихся дверей вместе с людьми, втекающими в прожорливые недра аэропорта.

Честно говоря, лететь на самолете мне предстояло первый раз в жизни, и от этого было немного не по себе. Но не слишком. Я огляделась по сторонам – вокруг не было знакомых лиц. Меня никто не провожал. Для всей этой толпы я была чужой. И я сделала свой выбор – быть чужой до конца жизни.

Посадочный зал залило ослепительным солнцем, которое проникало сквозь огромные стеклянные стены – из-за них аэропорт был похож на аквариум. Хорошая погода означала, что ничто не задержит наш рейс.

Я видела, как из-за угла стеклянной стены в небо взмыл огромный белоснежный лайнер. Это было так здорово, что у меня захватило дух! На электронном табло высветился номер моего рейса, и вслед за толпой я пошла к самолету.

Мое место было в середине салона, у прохода. Возле окна устроился молодой человек с дорогим ноутбуком, заткнув уши наушниками в тот момент, когда опустился в кресло. Он отключился от внешнего мира и вообще на меня не смотрел. Место между нами было свободным. Я положила туда свою сумку, предварительно вытащив дорожную книжонку – небольшой глянцевого альбом.

Эта красота, стоящая целое состояние, была прощальным подарком моей Ксюхи. Я так и не решилась сказать ей всю правду. Наплела, что еду в Киев на заработки. Устроилась, мол, на несколько месяцев в компьютерную фирму, по контракту. А там – будет видно. Продлят контракт – останусь. Нет – вернусь обратно. Врать Ксюхе было легко.

Накануне моего отъезда Ксюха принесла мне подарочный альбом, купленный в одном из дорогих салонов города. Она словно чувствовала, что только эта вещь поможет продержаться мне в нелегком пути. Репродукции фотографий Вирга Сафина. Достав книгу из сумки, я прижала ее к груди.

– Ты о нем думаешь? Ну, скажи честно! – накануне отъезда Ксюха засиделась у меня допоздна. Мы пили водку, много говорили и даже плакали. Причем никто из нас не знал, почему. Мне было стыдно ей лгать – от этого у меня разрывалось сердце, но я прекрасно понимала, что вступаю на слишком скользкую тропу. С такими людьми, как Сафин следует соблюдать максимальную осторожность. И если я хочу вернуться домой, если не хочу, чтобы где-то в темной подворотне мне перерезали горло, следует поменьше чесать языком. Я ни секунды не сомневалась в том, что Вирг Сафин именно так и сделает. Для меня какая-то особенная, арктическая безжалостность с легкостью читалась в его глазах.

– О ком я должна думать? – притворилась идиоткой (собственно, почему притворилась?).

– О Сафине, конечно. Жалеешь, что ничего не вышло тогда?

Я пожала плечами. А что я должна была сказать? Ксюху не просто было сбить с темы – Вирг Сафин нравился ей точно так же, как и мне.

– У Сафина вид извращенца.

– Брось! У него вид героя-любownika.

– Ага, такого героя, который в самый патетический момент заедет тебе кулаком в нос.

Рассмеявшись, я представила себе эту замечательную картину – Ксюха рассмеялась тоже. Я же продолжала хохотать до слез.

– А я все-таки рада, что у тебя с ним ничего не получилось, – сказала Ксюха, – такой мужчина явно не для нас.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я.

– Он не такой, как мы. Он с другой планеты. Инопланетянин. Ты же слышала, что инопланетяне живут среди нас. Так вот: он – инопланетянин. Это он. Человек, не имеющий ни сердца, ни совести, ни элементарного представления о простых, понятных нам человеческих чувствах. И это не его вина, просто он не такой, как все. Женщина, которая будет с ним, всегда будет несчастной.

Я налила себе и Ксюхе еще водки. За это следовало выпить. За мою поездку в бездну неизвестности, в чужой город, к жестокому и злобному зверю.

– А все равно хорошо, что у вас ничего не вышло, – не унималась Ксюха, – что он стал бы с тобой делать? Ты же его старше!

– Не намного... – возразила я.

– Ой, только вот мне не надо! Виргу 34, а тебе, между прочим, уже стукнуло 38. Ты старше его ровно на четыре года. Что он стал бы делать с тобой? С ним всегда девчонки до 20 – лет 17-ти.

Ксюха ударила меня по больному месту. Я сама просыпалась от этого в холодном поту по ночам. Мне – 38. Сафину – 34. Я старше его ровно на четыре года. Толстая деревенская старуха с разницей в четыре года. Вселенский кошмар. Четыре – это число несчастья.

– Ведь всем известно, что четыре – это число несчастья, – повторила мою мысль Ксюха, – к тому же, Вирг Сафин – Скорпион. Нет ничего хуже мужчины-Скорпиона, это все знают. Но самое отвратительное, что и ты – Скорпион! А что будут делать вместе два Скорпиона? Вы друг друга просто поубиваете. У вас день рождения даже почти совпадает.

– Неправда. У меня 13 ноября, а у Вирга Сафина – 8-го.

– Но все равно – оба дня рождения в ноябре. А это плохая примета. Два Скорпиона не могут быть вместе. Хорошо, что ты никогда это не поймешь.

А может, и правда не пойму как истинный Скорпион, – подумала я.

– Интересно, кто Вирг Сафин по национальности? – задумалась Ксюха, – и как его зовут по-настоящему. Вирг – это же не имя. Жаль, что в интернете ни о национальности, ни об имени ничего нет.

– Половец, – сказала я, – когда-то была такая национальность. Древняя, как мир. И если от этой национальности хоть что-то осталось, то это – Вирг Сафин. Он – половец. Иначе просто никак.

Мне хотелось плакать после визита Ксюхи. Я открыла окно и высунулась до пояса. Холодный воздух сразу же вонзил в мою кожу тысячи раскаленных иголок, и я заплакала.

Квартира казалась слишком пустой. Было решено, что сын останется с мамой, а я запру квартиру и отдам маме ключи. Мы попрощаемся возле дома. Потом – все.

Я плакала, когда зазвонил телефон.

– Мара, ты собралась? – сказал Сафин.

– Как ты меня назвал? – удивилась я.

– Я буду называть тебя Мара. Потому что ты – мое привидение. Тайное в готическом замке, – Сафин усмехнулся, а я не знала, что и думать, – не волнуйся, все будет хорошо. Мой водитель встретит тебя в аэропорту.

– А как я тебя буду называть?

– Ну, не знаю. Сама придумаешь. Если захочешь, то мой господин, – Сафин снова усмехнулся, а у меня от этого смеха пошли мурашки по коже. Куда я еду? К кому?

Обед в самолете подали через час полета. Я поела, хотя у меня не было аппетита. Все было красиво запаковано в коробочки, покрытые блестящей фольгой.

Покончив с обедом и несколько секунд посмотрев в иллюминатор (ничего, кроме гряды белоснежных облаков), я открыла альбом Сафина.

С первой же страницы на меня смотрело удивительно красивое девичье лицо. Это была совсем молодая девушка лет 14–16. Я никогда не видела такой одухотворенной красоты. Было очень сложно представить, что это лицо не нарисовано кистью художника, а лицо реального, живого человека, снятое на фотокамеру. Странно было представить, что человек может обладать такой красотой.

Как и все фотографии Сафина, этот снимок смотрелся сквозь легкую дымку. Впрочем, и сама девушка была закутана в вуаль, свисавшую с ее головы. Подпись под фотографией была «Ангел». На следующей фотографии, как бы изнанке этой, первой была изображена та же девушка, но уже со спины. Вуали не было, и лицо ее было плохо различимо. Наклонив голову влево и скрестив на груди руки, девушка стояла спиной. Ее лицо полностью закрывали распущенные длинные волосы.

Портрет был сделан до колен. В этот раз девушка была обнажена. Ее обнаженные спина и ягодицы поражали скульптурной и, опять-таки, нечеловеческой красотой. А на спине, где должны быть лопатки, находились два прямых кровотокающих шрама, страшные раны с кусками мяса и стекающими по спине каплями крови. Раны были параллельны друг другу. Это оставляло такое жуткое впечатление, что перед этим фото хотелось замереть. Фотография оставляла ощущение странной, приглушенной боли. Такую боль испытываешь, когда видишь надругательство над красотой. Раньше там, на спине, были крылья, которые заживо вырвали из спины. Кто-то причинил неземному созданию чудовищную и жестокую боль.

Фотография подписана «Ангел без крыльев». И было ясно, как день, кто вырвал эти крылья, кто надругался над красотой. Мир. Кровавый современный молох, требующий все новых и новых жертв на свой изуверский алтарь потребления.

Я закрыла альбом, потому что не могла на это смотреть. Словно не эта девушка, а я испытывала такую жестокую боль и это мне вырвали крылья.

А, может, и девушка на снимке, и я были вовсе не причем? Может, эту жестокую боль ангела, которому люди вырвали крылья ради шутки или забавы, или ради удачного снимка, испытывал совсем другой человек? Может, ее испытывал Вирг Сафин?

Лицо девочки без крыльев врезалось в мою память так, что это стало почти физическим ощущением. Так, словно мне в реальности произвели операцию. Я захлопнула альбом, откинулась на высокую спинку кресла и закрыла глаза. В этот момент кто-то прикоснулся к моему плечу, и в этом прикосновении было достаточно твердости, чтобы я сразу же открыла глаза. Надо мной склонилась элегантная стюардесса с профессиональной дежурной улыбкой:

– Простите, пожалуйста, это вы Тамара?.. – она четко и правильно произнесла мою фамилию.

– Да, – удивилась я, – это я.

– Вы можете подтвердить это – показать мне паспорт? Простите за настойчивость, но мне сказали удостовериться в этом.

Ничего не понимая, я достала из сумки паспорт и, раскрыв, протянула ей. Прочитав мою фамилию, стюардесса кивнула и удалилась. Прошло минут пять. А потом – потом произошло нечто!

Как только стюардесса появилась в начале салона, глаза всех пассажиров тут же были прикованы к ней. Точнее, не к ней, а к тому, что она несла в руках. А в руках у нее был самый роскошный букет алых роз, какой мне доводилось только видеть в своей жизни! Розы были живыми, настоящими и благоухали так, что аромат их тут же распространился на весь салон. Упакованы розы тоже были очень красиво: перевязаны внизу блестящей лентой, образующей бант в виде сердца. По краям бант был расшит золотым.

Приблизившись, стюардесса протянула букет мне.

– Это вам. Нам поручили вручить вам этот букет, как только мы будем в самой высокой точке полета, и самолет максимально наберет высоту. Прошу вас!

Потеряв дар речи от роскоши этого невероятного букета и завистливых глаз пассажиров (особенно женщины сходили от зависти с ума), я осторожно взяла букет. Розовые бутоны были небольшие, но очень изящные, словно скульптурные. Поражал их удивительно яркий, сочный и чистый алый цвет. Я вдохнула пьянящий аромат глубже и увидела белый конверт между роз.

Раскрыв небольшой прямоугольник-записку и еще не прочитав, я уже знала, от кого. «В самой высокой точке неба я дарю тебе свое сердце. Вирг Сафин».

Мои пальцы задрожали, и записка едва не выпала из рук. Я была не просто потрясена и покорена чарующей романтичностью этого жеста. Можно сказать, была буквально сражена наповал. Этот пугающий человек внезапно раскрыл передо мной такие прекрасные глубины своего сердца, что все слова и сравнения в одно мгновение вылетели из головы!

Задыхаясь от слез, которых я стеснялась, я зарыла лицо в роскошь розового букета (целых 15 алых роз!), и несколько минут пыталась прийти в себя. Затем, поцеловав узкий прямоугольник записки, я спрятала ее в карман на груди.

Я не знала, что ждет меня в будущем, но точно поняла, что человек, который мог так красиво преподнести мне цветы, не может быть абсолютно плохим. Не знаю, какой налет черного, дьявольского мрака оставили на нем прожитые годы, слава и его образ жизни, но я отыщу в глубинах его сердца место, где хранятся такие же прекрасные и чистые чувства, как эти розы. Пусть даже мне придется изрезать на кусочки, растереть в ладонях все его сердце. Я их все равно найду. И, приняв это странное решение, я вдруг почувствовала себя увереннее. Мой ответ был сформулирован так же четко: «В самой высокой точке неба я навсегда подарила тебе свое сердце. Мара».

А потом – снова белый лайнер. Белый воздушный лайнер – ангел, перепачканный бензином. Громоздкая птица, плененная людьми. Без крыльев. Птица, лишенная крыльев.

И когда белоснежный лайнер пошел на посадку, а от потери высоты воздух подступил к горлу, я закрыла глаза и произнесла нечто вроде придуманной в ту самую минуту молитвы: «Господи, прости меня не за то, что я уже совершила, а за то, что еще совершу».

Ангел с искусственными крыльями стремительно шел на посадку, теряя высоту. И я теряла ее тоже. Я понятия не имела, какому Богу молюсь. Здесь, в небе, я была очень близко к любому. Думаю, Бог должен был меня простить, хотя бы за то, что отныне и навсегда место любой возможной иконы заняло для меня узкое лицо с раскосыми азиатскими глазами. Ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Глава 4

Букет упал на пол. Полный привет, кажется. Слишком уж много всего: беготни, людей, ангаров-залов... Я вышла за пределы зоны прилета и остановилась, не зная, куда идти дальше. И тут только до меня дошло, что стою, как полная идиотка, – паспорт в одной руке, розы – в другой.

Принялась прятать паспорт – розы, а потом и раскрытая сумка, упали на пол. Подняла розы – вывалился паспорт. Блин, когда же закончится этот дурацкий круговорот?

Решительный рывок левой, розы под мышку – сочный хруст, а затем мой еле сдерживаемый крик. Огромный заскорузлый шип впился в ладонь всей злобностью новой для меня жизни, а сочный хруст раздался потому, что решительным жестом левой руки как-то по-дурацки снесла головки нескольких цветов. Это ж надо – изуродовать такой букет! Да еще и найти в нем какой-то шип, который не постеснялся вонзиться в руку.

Сумка, в которую все-таки удалось засунуть паспорт, снова упала на пол. Занявшись занозой в ладони (в конце концов, я все-таки вытащила шип, заляпав кровью носовой платок), вдруг меня осенило, что стою уже минут десять возле самой зоны прилета, а ко мне еще никто не подошел. Кое-как подхватив сумки, я принялась оглядываться по сторонам. Вокруг было множество людей с плакатами, но ни на одном из них не было моего имени. Это означало, что меня никто не встречал.

Рухнув на одно из пластмассовых сидений, я потянулась к телефону и набрала Сафина. В ответ раздалось стандартное «Абонент вне зоны досягаемости сети. Пожалуйста, перезвоните или отправьте СМС-сообщение». У меня потемнело в глазах.

Телефон зазвонил, когда я уже ни на что не надеялась и вполне чувствовала, что умираю. На самом деле ситуацию хуже сложно было даже предположить: в Киеве у меня нет ни одного знакомого человека, я абсолютно не знаю город, никогда не ездила на метро, вообще не знаю, куда ехать. Чтобы остановиться в гостинице или снять комнату, у меня нет денег. Вся моя наличность – 50 долларов. Честно говоря, у меня всегда было с деньгами не очень, а перед отъездом я просто постеснялась брать с собой деньги. Все, что у меня было, оставила маме и сыну, надеясь, что им хватит на первое время. Я совершенно не думала о деньгах, все-таки Вирг Сафин – миллионер, и надеялась, что он не оставит меня подыхать с голоду.

И вот теперь сижу в чужом аэропорту с пятьюдесятью долларами в потрепанной дешевой сумке и думаю, куда податься, что мне делать дальше, где провести ночь, ведь нельзя же сидеть вечно в аэропорту. А денег мне однозначно не хватит на обратный билет.

Помню охватившее меня в тот момент ощущение паники. Это была самая настоящая паника, от которой путаются мысли, стираются чувства, становится трудно дышать. Даже сейчас мне страшно вспоминать тот страх. Что уж говорить тогда...

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда я уже серьезно поддавалась отчаянию. Номер был незнаком. Я схватила телефон как спасительный круг и услышала незнакомый мужской голос.

– Меня зовут Николай, я водитель Вирга Сафина. Выходите к автостоянке.

Серебристый джип въехал на тротуар, перепугав двух старух. Они разразились проклятиями, угрожая вызвать полицию.

Из роскошного джипа вышел мальчишка. Худой белобрысый студент с длинным хвостиком, лет 20 – не больше. Старухи моментально окрестили его наркоманом.

Подозрительно хмурясь, он подошел ко мне и ткнул ладонью в плечо:

– Чего стоишь на виду, как реклама? Полезай в джип!

Я обалдела. От моей явной растерянности замолчали даже старухи и стали пристально наблюдать за мной.

Огромные дома. Несуветно широкая автомобильная дорога. Темнота начала октября, из-за которой окна в домах казались разноцветными гирляндами или колючей проволокой, окутавшей бетонные столбы. Все это подавляло своими размерами. Я чувствовала себя крошечной мышью, которую прихлопнули консервной банкой. Светящиеся купола мегаполиса подавляли меня с головой. А тут еще это лохматое сопливое чучело... Ни дать ни взять – пост из интернета. Да еще смеет хамить!

– Ты кто такой? – злобно рявкнула я.

Чучело вздохнуло и свободной клешней (то есть ладонью) взлохматило и без того растрепанные волосы.

– Я Николай. Я же тебе сказал!

– Ты чего мне тыкаешь? – закипала я так, что казалось еще немного и пойдет пар.

– Выкать надо? Ты старушка? Вирг сказал, что ты молодая и красивая. Так и есть. И чего мне делать из тебя бабушку?

Я не выдержала и хмыкнула. Напряжение спало. Чучело подхватило мою сумку и зашвырнуло на заднее сидение джипа. Сев на переднее сиденье рядом с водителем, я тут же пожалела об этом.

Мальчишка, не глядя, сдал назад да так, что чуть не снес три автомобиля. Те разразились сигнальной истерикой. После этого он проехал на красный сигнал светофора и нарушил все возможные правила движения, повернув налево под кирпич там, где поворот был запрещен. Я не выдержала:

– Ты куда под кирпич прешь?!

– Спокуха! – отозвалось Чучело, – ментов нет, переулок свободен, чего не проскочить?

– Допрыгаешься, Сафин тебя уволит!

– Не уволит. Я уже четыре года у него работаю. Вирг классный. Он и сам ездит похуже меня.

– Сразу после детского садика работаешь?

– Почти.

Потом мы выехали на огромное скоростное шоссе, и стрелка спидометра медленно перешагнула отметку в 220 километров в час! Мне стало нехорошо. Чтобы расслабиться, я откинулась на кожаную спинку сидения, и принялась глазеть по сторонам.

Мы свернули куда-то, где было много машин, и стали в гигантской пробке. Я не выдержала.

– Куда мы едем?

– На квартиру. Вирг велел оставить тебя там.

Через полчаса такой езды джип въехал в какие-то дворы и, наконец, остановился. Мальчишка-Шумахер вылез из джипа, подхватил мою сумку и скомандовал идти.

Я огляделась. Мы находились во внутреннем дворе возле 12-этажного дома. Во дворе было невероятное количество машин. Они стояли буквально друг на друге, в миллиметраже. Такой автомобильной давки я не видела никогда в жизни!

В доме было четыре подъезда. Пройдя два, остановились возле третьего. На двери подъезда был домофон. Парень достал из кармана ключ и открыл им домофон.

– Запоминай, – бросил через плечо.

Мы вошли в чистенький холл с цветами и свернули направо к лифту.

– Квартира на шестом этаже, номер 126.

Мы остановились перед первой дверью направо, мальчишка-водитель открыл дверь ключом, а затем протянул ключи мне и отступил назад.

– Ну, все. Ты будешь здесь жить. Мне велено доставить тебя и уйти, что я и делаю.

– А... – я пребывала в такой растерянности, что даже не знала, что сказать. Слов не было – все вылетели.

– Ничего не знаю. Заходить мне не велено.

Втолкнув сумку внутрь квартиры, в темноту, парень насильно засунул ключи мне в руку и бегом направился к лифту. Еще мгновение и двери лифта за ним захлопнулись. Мне не оставалось ничего другого, как только войти.

Я сразу же нащупала на стене выключатель. Вспыхнул яркий свет, освещая стандартную узкую прихожую. Она была столь обычной, что я немного успокоилась.

Это была стандартная очень небольшая однокомнатная квартира. Комната поражала своим аскетизмом: в ней был раскладной диван, один стул возле стены, небольшой шкаф на два отделения. Напротив дивана, на стене, плазменная панель. Большое окно с пластиковыми жалюзи, выходившее в этот самый прямоугольный двор. Балкона не было.

В комнате было тепло – включили отопление. Я почувствовала горячие батареи, когда выглядывала в окно. Это немного меня успокоило.

В кухне, меблированной так же скромно, было все необходимое из посуды. Меня обрадовал привычный вид электрочайника. Холодильник был выключен. На кухне не было никаких продуктов, и даже признаков. Никакой еды, даже пачки сахара или макарон – вообще ничего! Ванная, совмещенная с туалетом, была очень маленькая, как в обыкновенной девятиэтажке. Стиральной машины не было.

Успокоившись привычным и приличным видом этой маленькой квартиры, я вдруг почувствовала, что умираю с голоду. Последний раз я ела в самолете, а было это в два часа дня! Сейчас же время приближалось к девяти вечера. Слишком даже для самой зверской диеты.

Я принялась обшаривать полки и ящики, абсолютно все в квартире в поисках хоть какой-то еды, но ничего съестного не было.

Казалось бы, что проще – выйти в магазин и купить. Но весь прикол заключался в том, что, во-первых, я не знала, где здесь магазины. Во-вторых, сомневалась, что магазины эти открыты в начале десятого вечера. А, в-третьих, у меня было мало денег! Я не могла потратить их сразу все, не зная, что меня ждет.

В конце концов, я решила просто вскипятить чайник. Но едва наполнила его водой, раздался звонок в дверь. К счастью, я удержала в руках чайник и не дала ему разбиться.

На пороге стоял Вирг Сафин, и он был не один. За его спиной я разглядела троих: двух мужчин и какую-то девицу. В руках Сафина была большая коробка, которую он протянул мне.

– Быстро одевайся. У тебя десять минут на сборы, и спускайся, – сказав это, он захлопнул дверь.

Обалдев, прямо в прихожей открыла коробку. Мне было так интересно, что я справилась за долю секунды. Мои пальцы погрузились во что-то мягкое, приятное на ощупь... и я вытащила на свет платье.

Черное платье из тонкой шерсти с длинным рукавом. Глаза остановились на бирке. Соня Рикель. Быть того не может! Или может?

Быстро натянув платье (оно было как раз моего размера, это не составило труда), я переодела туфли, и, подхватив сумочку и пальто, побежала к выходу, едва успев погасить за собой свет. Меня каленым железом жгли слова Сафина о десяти минутах.

На улице начинался небольшой дождь. Прямо у подъезда, с заездом на пешеходную дорожку, был припаркован черный джип «Мерседес». Не очень разбираясь в машинах, но даже я поняла, что этот джип стоит целое состояние. Номерной знак (VIRG) не оставлял сомнений. Я задумалась: «Интересно, сколько у него машин?».

Но мне не дали времени на раздумья. Чья-то рука, толкнув меня в спину, запихнула на заднее сидение джипа, где уже сидели двое мужчин. Девица, которую я почти не успела разглядеть, сидела на переднем сидении. Никак не представив меня людям, Сафин уселся за руль.

Вывеска ночного клуба была такой яркой, что я так и не разглядела ее цвет, к тому же мы затормозили слишком резко. Вирг Сафин въехал на тротуар и припарковался рядом со знаком, запрещающим парковку. Довольный собой (это читалось в его глазах), он сделал небрежно ручкой, мол, вылезайте.

Я попыталась сконцентрироваться на его спутниках – тех, кто был в этой машине, и мне это удалось.

Девуцу звали Хелена, она была немкой, и хрен знает, что она делала в Украине. Говорила она с сильным акцентом, и была столь неприятно надменной, что от одного ее вида я испытывала какой-то особый дискомфорт. Как я поняла из разговоров, там, куда мы ехали, ее ждал любовник, и Сафин просто подвозил девуцу к нему. Конечно же, она пыталась с ним заигрывать, но я сразу поняла, что между Хеленой и Сафиным ничего нет. Не знаю как, но поняла. Женщины такое чувствуют.

У противоположного от меня окна, на заднем сидении, сидел некий Алекс. Я сразу поняла, что он мент. У него было лицо мента, и глаза, и повадки. Сафин говорил о нем, как о своем близком друге, но все равно он был мент, и я не понравилась ему. Не знаю, почему. Он никак не дал мне понять, но я определила это инстинктивно, шестым чувством, и сразу выставила внутренние меры предосторожности.

Рядом со мной, посередине, сидел Глеб. Он был весельчак и хохотун. Как я поняла из его поведения, это был светский кутила, повеса и тусовщик, но повеса, который любит погулять на шару, за чужой счет. Хрен знает, какого Сафин таскал этого балбеса в своей свите. Возможно, Глеб был просто нужным Сафину прихлебателем, всегда и везде воспевающим Сафину гимны и дифирамбы. Как известно, свита играет короля.

Главным во всей этой компании был Сафин. Это не демонстрировалось четко, но было ясно и так. Он был главным, все остальные – его свитой. Оставалось только разобраться, какое место во всей этой компании занимала я.

Мы подошли к ночному клубу, возле которого толпились люди. Я разглядела яркие буквы вывески. По дебильному бормотанию Хелены (акцент, убивающий русский, делал именно дебильным ее бормотание) я поняла, что это очень крутое место, на что указывало количество желающих попасть внутрь и количество охраны, препятствующей всем, кому только возможно. В этом (и еще в у страшении своим внешним видом) состояли их основные функции.

Из слов Глеба, рот которого не закрывался, я поняла, что в этом клубе сегодня ночью проходит какая-то очень крутая вечеринка, поэтому столько желающих прорваться внутрь. И на вечеринку эту очень тяжело попасть.

Охрана меня напугала сразу. Перед нами они дали от ворот поворот двум молодым мужчинам в дорогуших костюмах. Они выглядели так прилично, что было абсолютно непонятно, как их могли не пустить внутрь. Лица охранников были как морды бульдогов – непроницаемо страшные.

Дальше произошло невообразимое. При виде Сафина охранники мгновенно вытянулись в струнку и расступились, давая беспрепятственный проход. Сафин небрежно бросил:

– Это со мной.

И мы вошли в клуб в следующем порядке: Сафин, сияющая Хелена и восторженный Глеб, мрачный Алекс и непонятная я.

Уши и мозги тут же накрыла ударная волна звуков, и мы растворились в хаосе людей. По дороге к столику испарилась Хелена, а за ней и Глеб. Хелена больше не появилась, а Глеба я время от времени видела в толпе. Мы сели за столик, и Сафин тут же оказался в центре внимания всего зала. К нему началось какое-то бесконечное паломничество, но он встал из-за столика и вообще растворился в толпе.

За столиком остались мы с Алексом. Официант принес коктейль ядовитого цвета, на который я подозрительно покосилась.

– Тебе, наверное, не привычны такие места, – сказал мрачный Алекс.

Я промолчала. Очевидно, он ждал ответа, что в моем селе их нет, но я приехала не из села, и как журналист насмотрелась достаточно ночных клубов. Так что мне было, с чем сравнивать.

Коктейль был энергетическим. Попробовав его, я сразу ощутила неприятный, но знакомый привкус – вкус экстази. Однажды мне довелось попробовать такой – последствия были катастрофическими. Отодвинув коктейль в сторону, я сказала, что не буду это пить.

Алекс позвал официанта. Тот забрал коктейли и принес запечатанную бутылку коньяка. Против коньяка я ничего против не имела. Алекс разлил его по бокалам, и мы выпили.

– Зачем ты приехала сюда? – спросил Алекс. Глаза его зажглись нехорошим блеском. Очевидно, меня ждал какой-то подвох, но я не хотела ни подвохов, ни пикировок, ни заковырок. Ведь я еще даже не переспала с Виргом Сафиным! Поэтому, честно глядя в глаза Алекса, я спросила, в каком подразделении и чине он изволил служить. Он онемел. Я уточнила: в бывшем ГАИ, уголовном розыске, или в СБУ? В ответ на мои слова Алекс натянуто рассмеялся, и я поняла, что пикировки закончились. После этого между нами зависло молчание.

Время от времени возле нашего столика появлялись то Глеб, то Сафин, который перебрасывался с Алексом непонятными словами и снова исчезал.

– Не обращай внимания, – сказал Алекс. – Вирг так работает. Знаешь, какая тут публика? Вот Вирг и втюхивает им свои фотки.

Честное слово, он так и сказал – втюхивает! У меня от всего этого кружилась голова, к тому же коньяк мы ничем не закусывали. Я чувствовала такой жуткий голод, что с удовольствием откусила бы кусок от этого столика, но, к сожалению, он был не съедобный, этот проклятый стол.

Сафин появился в окружении двух девиц. Они поздоровались с Алексом, покосились на меня и сели за наш столик. Внезапно я почувствовала на своем плече руку. Этого было достаточно, чтобы голова мгновенно перестала кружиться, так как ее снесло напрочь.

Сафин обнял меня за плечи, ласково наклонясь к моему лицу:

– Потерпи. Еще недолго. Скоро поедем.

А потом... Потом он легонько прикоснулся губами к моей щеке! Поцеловал на глазах у всех! Алекс нахмурился, девицы зашумукались, я чуть не полетела по залу. Я плыла и парила – и все это без коктейля экстази!

Сафин опять ушел, а мы выпили по рюмке коньяку. Я чувствовала, что меня подташнивает. От голода во рту был неприятный привкус. Неужели нельзя было заказать вместо коньяка хоть какой-то бутерброд? Но, глядя на субтильные фигуры девиц, я поняла, что в этом месте не едят бутерброды. Да от одного слова «бутерброд» их, как говорят в народе, кондратий бы хватил! Мне вдруг стало смешно, невероятно смешно, и я едва удержалась от того, чтобы глупо так, по-дурацки, не хихикнуть.

Появился Сафин, и сел за наш столик. Чтобы избавиться от страха, обвинившего меня крепкими кольцами змеи, я сделала большой глоток коньяка. Дыхание перехватило. Еще мгновение и Сафин схватил бутылку, выплеснув все ее содержимое на пол.

– Запомни, я не люблю этого, Мара. Я не люблю, когда женщины пьют. Ты меня поняла? Ты хорошо меня поняла, Мара?

В глазах его было что-то такое... Я против воли кивнула в ответ. Мое тело сотрясала дрожь. Самое интересное, что никого не шокировала эта странная выходка Сафина. Более того, никто ее просто не заметил. Сафин дернул меня за руку:

– Идем.

Мы быстро вышли в темноту, меня все еще била дрожь. Возле машины Сафин обернулся, в этот момент я споткнулась, и он подхватил меня за локоть.

– Что это с тобой? У тебя белое лицо. Ты что, напилась? Но бутылка, вроде, была полной. Что ты там пила, в этом гребаном дерьме? Отвечай!

Лицо Сафина не предвещало ничего хорошего. Для пущей убедительности он больно дернул меня за руку. Еще один рывок, и он запросто выдернет мою руку из сустава!

– Ничего я не напилась! Ничего подобного!

– Тогда что с тобой такое? У тебя совершенно белое лицо. Тебе плохо? Ты плохо себя чувствуешь?

– Да! Я хочу есть! – неожиданно для самой себя выплеснула я.

От услышанного Сафин совершенно обалдел, и я поняла, что он живет отдельно от прозаических реалий жизни.

– Есть хочу! Я ела в последний раз в самолете, в два часа дня! А сейчас сколько?

– О Боже, я как-то не подумал. Действительно, ты же голодная! – Он всплеснул руками, – ладно, поехали. Сейчас это исправим.

Мы снова в джипе, но едем недолго, всего несколько кварталов. Останавливаемся уже не под знаком, а на специальной парковке.

– Идем, – Сафин снова потащил меня за собой.

Теперь это уютный маленький ресторан. Возле столика – уютная лампа, приглушенные голоса людей, где-то в отдалении журчит фонтан, в тени стен – мраморные статуи, звучит тихая печальная музыка. Как же здесь хорошо!

Несмотря на поздний час, в зале было много людей. Похоже, ресторан пользовался успехом. Мне принесли салат «Цезарь», бифштекс с жареной картошкой и луком, бутылку минеральной воды.

– Ешь скорее, – Сафин буквально пожирал меня глазами. Я не заставляла себя упрашивать, и набросилась на еду.

Когда мы вышли из ресторана, я вдруг спохватилась:

– А почему ты не заплатил по счету?

– Потому что, – улыбается Сафин, – это мой ресторан мой.

– Как это? – растерялась я.

– А вот так. Я еще занимаюсь бизнесом. У меня есть несколько ресторанов, но это тайна. Ее никто не знает.

– Почему же ты говоришь мне?

– Потому что ты будешь частью моей жизни. Рано или поздно ты узнаешь обо мне все, а когда узнаешь... боюсь, тебе это не понравится.

Я мгновенно насторожилась: что он хочет этим сказать? Что жалеет о том, что привез меня сюда? Но Сафин замолчал, больше не развивая странную тему.

Так, продолжая молчать, мы сели в джип. Только внутри машины, до того как отъехать, он вдруг повернулся ко мне, и тихо сказал:

– Ты красивая.

В голосе его прозвучала непонятная мне грусть. И снова никаких прикосновений! Что говорить о поцелуях, он даже не притрагивался ко мне рукой!

– Ты красивая, – снова с непонятной мне грустью сказал Сафин, – в тебе столько жизни. Я ничего не поняла. Почему, ну почему эти слова должны вызывать такой тяжелый вздох?

Джип резко сорвался с места и почти мгновенно растворился в большом потоке машин.

Глава 5

– Заходи, – скомандовал Вирг Сафин и посторонился в дверях. Я ахнула. Каминный зал, открывшийся передо мной, сошел, казалось, с картины о старинном готическом замке. Замке, полном страшных легенд.

Я не запомнила ничего. Ни ночной дороги, ни быстрой езды его автомобиля, слившейся в моем сознании в сплошной раскаленный поток. Мы не говорили, он не отрывал от дороги глаз, и внутри меня нарастало мучительное, странное ощущение, что он молчит потому, что не хочет со мной говорить. Не знает, что сказать.

Потом мы остановились в каком-то дворе, вошли в парадную пятиэтажного особняка. Парадная была освещена очень ярко – так ярко, что можно было в точности рассмотреть мраморную плитку на стенах. Плитка была похожа на лубочные, ярмарочные картинки. Никогда не видела таких странных изразцов.

В парадном были два охранника, которые при нашем появлении вытянулись по струнке, прямо по военной стойке «смирно». Мне показалось, что они боятся Вирга Сафина. И я (дурацкий Скорпион), не замедлила об этом сказать.

Сафин только рассмеялся. В тот момент мы поднимались по лестнице. В здании был лифт, но Сафин почему-то им не воспользовался. Хорошо бы, мы поднялись на один лестничный пролет... А то – на четвертый этаж!

– Конечно, они меня боятся, – сказал Сафин, поднимаясь по лестнице, – ведь этот дом принадлежит мне. А я даю им работу и плачу зарплату. Конечно, они боятся.

– Целый дом? – выдохнула я.

– Ну да, весь дом. Я его построил. Но, конечно, я не использую его весь – здесь студия и мой офис. Я использую это место и для работы, и для деловых встреч. Очень удобно, ведь это самый центр. Живу в другом месте.

Мне страшно хотелось спросить, где он живет, но я вовремя прикусила язык – и так наговорила достаточно.

Каминный зал поверг меня в шок. Шкуры тигров на полу, огромный камин в человеческий рост из темного тесаного камня, и очень странная мебель: вроде бы старинная, но оббитая светлой современной кожей. Мне вдруг стало казаться, что я попала в замок Дракулы. И странная вещь, я вдруг ощутила какое-то очень неприятное чувство тревоги, словно в месте этом было что-то не так. Но что именно, я не могла объяснить.

Под потолком вспыхнула роскошная хрустальная люстра, заливая все это великолепие ослепительным, обнажающим светом.

– Я часто использую это место для работы, для съемок, – пояснил Сафин, – ну и еще вожу сюда VIP-клиентов. Нравится всем.

Он открыл небольшую, замаскированную старинным тканым гобеленом дверь в стене, и мы оказались в небольшом коридоре, в который выходили четыре двери.

– Это офис, – Сафин показал мне небольшой офис с тремя компьютерами и высоченными шкафами с какими-то бумажными папками, – здесь работают мой секретарь, директор и юрист. Ты с ними еще познакомишься. А дальше по коридору две гостевые комнаты и кухня.

Ни в кухне, ни в комнатах не было ничего страшного и зловещего. Комнаты были обставлены обычной мебелью и напоминали дорогой гостиничный номер. Вид у них был явно не жилой. Кухня была оснащена самой современной и дорогой бытовой техникой, и в ней тоже не было ничего страшного. Казалось бы, эти обыкновенные помещения должны были меня успокоить. Но вышло как-то наоборот.

Двери в комнаты были открыты, Сафин, продемонстрировав их мне, так и не стал закрывать. Когда мы возвращались с кухни (последнего помещения этого обзора), я бросила в рас-

крытую дверь взгляд на огромную кровать. Я посмотрела на нее со странным даже для самой себя вождением. Но, к моему глубокому разочарованию, Сафин не свернул в комнату с кроватью, а прошел мимо. Мы вернулись в каминный зал.

Сафин потушил люстру. По углам зажглись старинные лампы с пергаментными абажурами. Я никогда в жизни не видела таких оригинальных абажуров и не имела никакого понятия, из чего они сделаны. Помню только, что эти лампы меня словно загипнотизировали, и, как замороженная, я уставилась на них. Тут только до меня дошло, что во всем этом великолепии нет даже намека на фотоаппаратуру. А ведь Сафин сказал, что использует это место для съемок! Все это показалось мне странным.

– Ты так смотришь на мои лампы, – вдруг сказал Сафин, и я поняла, что, даже двигаясь по комнате, он исподволь наблюдает за мной.

Сев на диван, я поджала под себя ноги. Ситуация начинала становиться идиотской и усугублялась тем, что Сафин и не пытался даже приблизиться ко мне – не то, что прикоснуться.

– Да, – сказала я, отрицать было глупо, – я никогда не видела таких ламп. Они уникальные. Из чего делают такие абажуры?

– Боюсь, сейчас ты этого не поймешь, – Сафин поверг меня в очередной тупик, но я уже стала как-то привыкать его не понимать.

– А где же ты снимаешь? Я не вижу здесь никакой аппаратуры.

– Ты наблюдательна, это хорошо, – кивнул головой Сафин, – аппаратура в студии, а студия наверху. Этажом выше. И я не пускаю туда никого. Еще одна студия есть в моем доме, но и туда проход запрещен. Говорю это, чтобы ты запомнила на будущее. Так, на всякий случай. И не вздумай меня ослушаться. Я тебе этого не советую.

– А что тогда будет? – мне стало как-то не по себе.

– Пожалеешь, что родилась на свет.

Мелкая, противная дрожь охватила вдруг все мое тело и утонула где-то в глубинах позвоночника. Дрожь оставила неприятное ощущение. Лед. Сафин и сам почувствовал, что напугал меня до полусмерти. Он дружелюбно улыбнулся, сел напротив меня и взял меня за руки. Это было первое его реальное прикосновение за весь долгий день. Мои ладони утонули в теплоте его рук.

– Я измучил тебя сегодня, утомил, – сказал Сафин, – на тебя свалилось столько новых ощущений.

– Нет, – скромно сказала я.

– Тебе понравились мои друзья? – неожиданно спросил Сафин. Я не была готова к такому переходу, поэтому немного растерялась.

– Ну... – глупо промямлила я, – я видела их так мало.

– Глеб – это ничтожество. Алекс отвечает за безопасность, он начальник моей охраны. А Хелена – моя клиентка.

– Выходит, они тебе не друзья, – сказала я.

– Выходит, не друзья, – Сафин усмехнулся, – на самом деле у меня нет друзей. Ты еще это поймешь.

– Почему у тебя нет друзей? – вырвалось у меня как-то непроизвольно, – У каждого человека есть друзья. Хоть один друг, но есть.

Этими словами я вдруг вспомнила о Ксюхе. И было это так не кстати, что окончательно выбило меня из колеи. Теперь я уже точно не знала, как себя вести и что говорить.

– У меня нет друзей, – повторил Сафин, – это потому, что я очень отличаюсь от всех. Я не такой, как все. Ты даже представить себе не можешь, насколько я не такой. Надеюсь, ты это поймешь.

– Я и сейчас понимаю. Ты звезда и великий художник... – начала я, и вдруг отчетливо поняла, что несусь что-то не то.

– Ты и минимального представления не имеешь, насколько я отличаюсь от всех. Сейчас ты ничего не понимаешь. И пока не старайся меня понять.

Я замолчала. Все происходящее нравилось мне меньше и меньше. Тем более, что Сафин выпустил мои руки.

Он откинулся на спинку дивана, лицо его просветлело.

– Знаешь, кто такая Хелена? Хелена – настоящая немецкая баронесса. У нее действительно есть титул. К тому же, она богатая наследница. И еще заказывает мне множество фотографий – на сотни тысяч евро! Круто, правда?

– Выходит, целую фотосессию?

– Точно! Хелена заказывает мне целую фотосессию. Потом эти снимки будут размещены в лучших журналах по всему миру. А знаешь, почему так? Хелена заказывает мне фотографии потому, что хочет выглядеть красивее и моложе, чем на самом деле, и у нее есть для этого деньги. Сейчас она обхаживает алюминиевого короля.

– Нельзя фотографией сделать человека красивее и моложе, – внезапно ляпнула я, даже не поняв, как это произошло, – нельзя сделать человека на фотографии моложе, если только не использовать компьютер и фотошоп.

Сафин замолчал, а я буквально онемела от своей смелости. Надо же, ляпнуть такое! А вдруг весь секрет уникальности фоток Сафина – действительно компьютер, и не фотошоп (фотошоп – слишком примитивно), а какая-то редкая компьютерная программа, возможно, сделанная за большие бабки, на заказ? Вдруг дело в этом, и Сафин все это тщательно скрывает. А я возьми и ляпни – действительно, язык мой – враг мой! Ведь он еще со мной даже не переспал! С ума сойти... Вот сейчас возьмет и отправит меня обратно с вещами. И что со мной будет тогда?

Я так увлеклась своим страхом от собственного ляпа, что не обратила внимания на то, как изменялось лицо Вирга Сафина. А лицо его... светлело на глазах! Внезапно оно стало прекрасным и одухотворенным, светло-радостным, как от самого яркого вдохновения. Увидев это, я онемела по-настоящему.

– Компьютер, фотошоп, как здорово, – пробормотал Сафин, – какая все-таки есть красота в тупом примитивизме! И насколько я все-таки выше вас всех!

Потом перевел взгляд на меня. Его лицо по-прежнему выглядело светлым и ярко-одухотворенным.

– Я, Вирг Сафин, – сказал он, – я один во всем мире. Другого не было и нет. Я никогда не пользуюсь ни компьютером, ни фотошопом, ни голливудскими 3D-эффектами. Именно поэтому мои работы покупает весь мир. Я делаю людей другими. И это могу сделать только я.

«Уж не вообразил ли он себя Господом Богом», – мелькнуло в голове, но, к счастью, усилием воли я удержала свой язык. И в этом странно-напряженном усилии воли я вдруг поймала себя на мысли о том, что разговор наш совсем не о том, о чем я столько мечтала. Наш разговор не о любви.

– Я делаю людей другими, – снова повторил Сафин, – мы обязательно поговорим об этом – чуть позже, когда я смогу. Я должен сказать тебе... Это очень важно. Я совсем не такой, как ты думаешь обо мне. Ты узнаешь об этом со временем. Ты даже не представляешь себе, какой я на самом деле. Ты ничего не знаешь. И даже не пытайся подумать, что понимаешь хоть что-то. Возможно, тебе лучше было бы держаться от меня подальше. Может, я совсем не тот, кого ты ищешь. Но все-таки по какой-то причине ты здесь. Значит, есть что-то, что заставило тебя приехать. Но ты не бойся. Я... не знаю, как тебе сказать. Позже. Это будет позже. Мы потом поговорим, когда я смогу.

Резким рывком Сафин вскочил с дивана и стал расхаживать по огромному залу, нервно сжимая и разжимая кулаки. Я же чувствовала себя так, словно меня треснули по башке кир-

пичом, а я все не могу понять, что так неожиданно свалилось на мою голову: то ли неземное счастье, то ли просто тяжелый кирпич.

Я не могла больше выносить страшное физическое напряжение этой ночи. Так же резко, как он, вскочила и буквально бросилась к нему. Я чувствовала, что должна прекратить это странное, пугающее меня движение. Мне было страшно от постоянных изменений выражения его лица, от буквально летающих в воздухе рук.

Я так резко подскочила к нему, что едва не сбила с ног. Он схватил меня за плечи, то ли чтобы ощутить рядом мое тело, то ли чтобы удержаться на ногах.

Тяжестью своих рук он пригвоздил меня к земле, и наполнил все тело такой сладостью, что я едва смогла дышать и стоять.

Я задышала мучительно часто, словно спасаясь от духоты, и тогда, запрокинув голову, он впился в мои губы.

Впился так, что я онемела от резкости этого поцелуя. Губы его были твердыми, жесткими, но одновременно опытными и податливыми. Он закусил мои губы, оттягивая их на себя, наполнил все мое существо своим дыханием. Его язык проник в мой рот, даря необыкновенную глубину всем ощущениям, наполняя все мое тело неземной немотой и сладостью такой силы, от которой я уже не могла оторваться.

Это был не просто поцелуй. Это было яростное слияние, жесткое проникновение, он буквально проникал в мое тело не только своим языком. Казалось, его язык, почти проникший в мое горло, парализует и мою волю, и все мысли. Я задышалась от необыкновенной полноты этого странного ощущения. Губы его были жадными, он проникал в мое дыхание без остановки, его рот не отрывался от моего ни на мгновение. Казалось, еще немного, и мои губы будут разорваны до крови. Но этого не происходило. Каждый яростный порыв становился все сильнее и все глубже сводил меня с ума. Я и понятия не имела, что в мире существуют такие поцелуи – странные, дарящие не только наслаждение, но и боль.

Он словно не целовал меня, а пил. Хотел вобрать мою душу, мою кровь. Поцелуй без всякой нежности оказался очень болезненным, но странное дело... Я не понимала, что происходит с моей душой, с моим телом. Боль в губах открывала мириады каких-то странных, не испытанных прежде ощущений, и эти ощущения силой своей неизведанности сводили меня с ума. Я черпала какое-то странное, постоянно усиливающееся наслаждение в этой боли, и мне хотелось только одного: чтобы боль эта не кончалась никогда.

Его поцелуй превзошел самые смелые мои мечты, и самые потаенные ожидания. Никто меня так еще не целовал.

Когда Сафин наконец-то оторвался от моих губ, я испугалась его глаз: зрачки были невероятно расширены, в них застыло какое-то бешеное выражение, а сами глаза были похожи на черные воды озера, поглощенного мощной бурей. В этих глазах вздымались километровые волны природных катаклизмов, поглощающих не только его, но и меня.

Дыша тяжело, прерывисто, Сафин резко толкнул меня на диван, затем сорвал с себя пиджак и рубашку – от ярости его жеста рубашка порвалась. Я слышала, как отлетели пуговицы, как покатались по темному старинному паркету, но это меня не испугало.

Как завороченная, я смотрела на его обнаженную и бешено вздымающуюся грудь, поросшую редкими жесткими черными волосками. Медальона на его груди не было. Странно, что, несмотря на все напряжение этого момента, я смогла заметить такую мелочь. Этот человек завораживал меня, но я еще не полностью потеряла над собой контроль. Отсутствие медальона показалось мне почему-то важным. Наверное, я думала об этом. А почему думала, не могла объяснить и сама.

Резким рывком он раздвинул мои ноги, затем опустился между ними. Руки его были настолько жесткими, что причинили мне боль. Я попыталась высвободиться, но не тут-то было – он сжал меня с такой силой, что я невольно вскрикнула. Резким движением он задрал мою

юбку и руками схватил мои ягодицы, сжав их так сильно, что я вскрикнула во второй раз. Ощущение было довольно болезненным. Конечно, мы оба находились в порыве страсти, но я не понимала, зачем нужно хватать меня с такой яростью, так жестко и больно. Или он намеренно хотел причинить мне боль?

Он вдруг резко отодвинул мои руки, буквально отбросил в стороны. Лицо его исказила гримаса мучительной боли, и он начал отодвигаться от меня, отстраняясь все дальше и дальше. Лицо его все сильнее изменяла боль. Я застыла, не понимая, что происходит. Несмотря на волны сексуального экстаза, затуманившие мой мозг, я все-таки четко все запомнила и разглядела.

Он резко поднялся, поднес руки к лицу, словно пытаюсь утихомирить зубную боль, как бы стараясь вогнать внутрь себя мучительный яростный стон, потрясающий все его существо. Но как он ни пытался, стон этот все-таки вырвался наружу.

– Нет... Я не могу... Только не так. Только не ты. Нет. Я не могу... НЕТ!

Схватив с пола рубашку и пиджак, Сафин резко выбежал из комнаты. Где-то в глубине с грохотом захлопнулась дверь. Я поняла, что он выбежал, вырвался из квартиры.

Боль, ярость, разочарование, отчаяние, гнев – все это буквально подбросило меня с дивана. Я вскочила на ноги, хотела было броситься к двери, за ним, но ноги отказывались меня слушаться. Рухнув возле дивана на пол, я на несколько минут потеряла сознание.

Придя в себя от холода, я поняла, что он ушел, и я одна в этой громадной комнате.

Черная волна отчаяния накрыла меня с головой, и я зарыдала, в припадке гнева пытаюсь колотить кулаками по полу. Как ни странно, но эта бурная вспышка истерики помогла мне окончательно взять себя в руки. Я поднялась с пола, села на диван, прекратила рыдать и попыталась хоть чуточку проанализировать ситуацию, насколько это было возможно.

Что произошло? Почему он не довел дело до конца? Почему он сбежал в самый разгар, перед сексом? Я ему не понравилась? Глупости. К тому же он страшно хотел меня. И он не импотент – я видела это. Тогда что произошло? Чего он испугался?

Я не понимала его поведения, чем-то похожего на нелепую женскую истерику. Мужчины так себя не ведут. К тому же неудовлетворенное желание мужчины переносят гораздо хуже и болезненней, чем женщины. Почему он отказался от секса со мной в самый последний момент? Что его так гнетет?

Я терялась во всем этом, путалась, как в лабиринте, чувствовала, что схожу с ума. Вдобавок ко всему мне стало страшно. Вдруг стало страшно до жути находиться в этой комнате, из которой он только что ушел. Отыскав дверь в коридор, я вошла в более безопасное помещение.

Я спряталась в одной из гостевых комнат с кроватями, надеясь переждать ночь здесь. Все равно я не знала, как выйти из этих жутких апартаментов (для меня все это не было даже квартирой), куда идти, и что делать. Мои часы показывали без двадцати четыре утра. В такое время не выходят на улицу, тем более, в чужом городе.

Я решила переждать ночь, надеясь, что утром что-то произойдет. Должен же здесь кто-то появиться? Может, даже вернется он. Но я не особо на это надеялась.

Свернувшись калачиком на кровати и чувствуя страшную усталость и разбитость во всем теле, мне было мучительно больно. Но странное дело! Боль моя была совсем не от оскорбления, которое мне нанесли. В глубине души я прекрасно понимала и чувствовала, что это не было оскорблением, скорее – напротив. Скорее всего, это было глубоким и серьезным признанием в любви.

Разбудила меня пожилая женщина – домработница Вирга Сафина и уборщица по совместительству. Она совершенно не удивилась, найдя меня в комнате. А в ответ на мой вопрос, пояснила, что уже привыкла находить в гостевых комнатах по утрам различных девиц. Тут каждое утро другая девица ночует, сколько их здесь побывало, уже и не упомнить! Пояснив

мне это в подробностях, она поинтересовалась, есть ли у меня деньги на метро. Ответить я не успела.

Появился водитель Николай, который, не произнеся ни слова, посадил меня в машину и отвез на квартиру. В квартире на столе я увидела белый конверт, открыла его – в нем были десять тысяч гривен, и не было никакой записки.

Я взяла деньги, хотела было заплакать, но передумала. Проверила мобильник – никто не звонил.

В квартире было тепло и тихо. Сбросив с себя все, пошла в ванную. Следующий раз я увидела Вирга Сафина только через пять дней.

* * *

С подноса, который нес официант, я взяла бокал с шампанским. Слава Богу, эта утомительная ночь позади! Я устала и соображаю на удивление плохо. Но глаза, как заведенные, продолжали следить за Сафиным.

Людей было слишком много, они заслоняли его от меня. Время от времени в этой огромной тусовочной толпе мелькала его спина в модном черном пиджаке со вставками из натуральной кожи. Пиджак – это дорогой модный тренд, и все вокруг – модный тренд. Но только не я.

Платье было узким. В этот раз он не угадал с размером. Конечно, оно страшно дорогое и модное, в нем можно показаться этим тусовочным шлюхам, но оно мне не нравилось, а потому не сидело на мне. Не нравились прозрачные, полуголые плечи, полускрытые тонким гипюром, не нравились черно-красные вставки на бордовом фоне, не нравился модный пышный хвост. Я чувствовала себя пугалом. К счастью, это никто не замечал. Время от времени я ловила на себе его взгляд. Глаза его вспыхивали нежностью, как у прирученного котенка, и этот тонкий, едва различимый огонек, способен был сжечь меня дотла.

Его атаковали журналисты: «Вирг, Вирг, почему выставка называется „Танец драконов“? Где драконы? На какой фотографии?»

Он прищуривается: «Где драконы? Они везде. Да посмотрите вокруг!» Сам Вирг Сафин сказал несколько слов! Журналисты вопили от восторга. И я с завистью думала, что никто, наверное, не вызвал бы такой ажиотаж.

Держа бокал с шампанским за тонкую ножку, я рассматривала на свет, как лопаются пузырьки. Вирг Сафин тут же появился рядом, прошипел сквозь зубы:

– Ты прекрасно знаешь: мне не нравится, когда ты пьешь!

Я молча разглядывала бокал. На моем лице появилось упрямое выражение, означающее: «Да чхать я хотела, что тебе нравится, а что нет!» Но я не решилась озвучить это вслух. Несмотря на весь свой упрямый характер, не решилась. Именно благодаря этому упрямству я и была здесь.

Пять дней, которые после той странной ночи я не видела Вирга Сафина, пролетели для меня в какой-то сплошной пустоте. Первое, что я сделала, – разделила деньги. На всякий случай отложила сумму билета на поезд, затем отправила пять тысяч маме и сыну. На остаток накупила еды и принялась есть.

Мне никто не звонил. Один раз, правда (прошло уже три дня, точнее третьи сутки были на исходе, и я была вне себя от подступающего помешательства), я не выдержала и набрала его номер. В трубке раздалось: «Здравствуйте, вы позвонили в голосовую почту абонента № такого-то. Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала».

Затем раздался звуковой сигнал, и я в панике сбросила звонок. А что я должна была сказать?

К концу пятых суток (было семь часов вечера) в дверь позвонили. Я открыла. На пороге стояли трое – Вирг Сафин, Алекс и какой-то неизвестный мужик лет 45-ти, лысоватый, с очень хитрым выражением лица – настоящий «продавец воздуха».

– Привет, – сказал Сафин, и, поймав мой взгляд, добавил, – знакомься, это Виктор Степанович. Мой адвокат. Алекса ты уже знаешь. Я заехал всего на минуту. Вот, держи.

В его руках появилась очередная коробка, и я сразу поняла, что в ней. Платье. Мне вдруг стало до горечи обидно, что он стесняется моих вещей. Ведь он не видел ничего из моего гардероба, а уже уверенно считает, что все мои вещи – базарная дешевка. Конечно, я не дочка олигарха, но я и не нищенка: всегда сама зарабатывала себе на жизнь, и все мои вещи (абсолютно новые, кстати, я никогда в жизни не пользовалась сэконд-хэндом) подобраны со вкусом, и призваны меня украшать. А он перечеркивает всю мою жизнь – вот так сразу.

Но Сафин протягивал коробку, и я взяла ее машинально, хотя совсем не хотела брать.

– Завтра в престижной галерее открывается моя выставка «Танец драконов». Тебе нужно прилично выглядеть. Николай заедет за тобой завтра в восемь часов вечера. Спокойной ночи.

– Танец драконов? А ты уверен, что они будут танцевать?

Мне нужно было сказать хоть что-то, чтобы удержать его, остановить у двери, ведь он уже развернулся, собираясь уходить. Он застыл спиной ко мне. Лысый адвокат хмыкнул. Сафин, ничего не сказав, пошел вниз по лестнице. Похоже, он никогда не пользовался лифтом.

Дальше все произошло так быстро, что у меня не было времени даже задуматься. Я действовала, решив, что думать буду потом. Накинула куртку, выключила в квартире свет, схватила ключ... Затем захлопнула за собой дверь и бросилась к лифту – вот так, в чем была: в джинсах, старой футболке и куртке, без прически и макияжа.

Они опередили меня, я только увидела их спины, мелькающие в дверях. Когда я появилась на улице, они уже садились в джип. Заглись фары, зарычал мотор. За рулем был, конечно, Сафин. Включились огни заднего хода – Сафин собирался разворачиваться, и я бросилась вперед, прямо на капот, буквально распластавшись на нем.

Взвизгнули тормоза, хлопнула дверца, из джипа вывалился что-то страшно орущий Сафин, а я, не слыша, что он орет, закричала в ответ:

– Не уйду! Никуда не уйду! Возьмешь меня с собой!

Он быстро откинул меня с капота. Я упала на асфальт и ушиблась, но мне было наплевать. Вцепившись в его ногу, я заорала из всех сил:

– Никуда не уйду! Не буду больше сидеть в квартире! Ты возьмешь меня с собой!

Он закричал в ответ:

– Я не могу! У меня много дел! Работы еще не упакованы! Я всю ночь буду занят! Ты же видишь – со мной люди!

– А мне плевать! Ты возьмешь меня с собой!

Тут только я поняла, что и Алекс, и лысый вышли из джипа, вокруг нас останавливаются машины и люди. Я веду себя, как сумасшедшая или пьяная, а в образовавшемся вокруг нас кругу кто-то снимает все это на мобильный телефон.

Честно говоря, я так и не поняла, что это была за выходка. Я, довольно тихий, умеющий жестко контролировать себя человек и ненавидящий скандалы, боюсь публичных выступлений и страшно теряюсь, если оказываюсь в центре чужого внимания.

Но тут разом прорвало все барьеры – и это именно я, Томка-тихоня, как дразнили меня в школе, что я шепчу возле доски, когда меня вызывали, лежу на земле, вцепившись в ногу абсолютно чужого мне человека, и что-то ору, рву брюки, потому что не собираюсь его отпускать!

Все это было из области кошмара. Но Сафин не дал мне времени одуматься, рассмеявшись и рывком подняв меня на ноги. Так, смеясь, и поцеловал в лоб:

– Ладно, садись. Будешь собирать рамки.

После этого он затолкал меня на заднее сидение джипа, все еще продолжая посмеиваться. Казалось, моя дикая выходка привела его в прекрасное расположение духа!

Огромная комната, каминный зал готического замка, который оставил такие жуткие воспоминания, был заполнен работами Сафина. Фотографии разных размеров и форм, среди них были и треугольники, и круглые, разложенные на полу, прислоненные к стенам. Вокруг было много совершенно незнакомых мне людей. Они собирали рамки, упаковывали работы в какие-то чехлы – словом, вокруг кипела бурная деятельность.

Поставив меня собирать рамки и упаковывать готовые фотографии, Сафин удалился в офис вместе с адвокатом и Алексом.

Работа была тяжелой – в первые же полчаса я страшно исколола себе пальцы хрупкими деревянками, сломала три тонких рамки, заработала мучительную боль в пояснице и онемевшие плечи.

Когда партии фотографий были упакованы, появлялись двое парней, и сносили их вниз. Я слушала разговоры трех женщин, работавших вместе со мной.

– А чего это такая спешка?

– Да только два дня назад сумел договориться с этой галереей, они же сумасшедшие деньги дерут! Говорят, он заплатил больше миллиона.

– А девка эта, певичка, с которой он крутит, приедет? Говорят, она сейчас на гастролях!

– Ой, да у него этих девок – каждый день новая! Как будто ты не знаешь, что одной девки у Сафина никогда не было!

Под такие милые разговоры мы работали очень быстро, и к часу ночи все было закончено. Когда последние работы были упакованы и их увезли, женщины ушли, а я осталась совершенно одна. Сидеть в одиночестве в этой кошмарной комнате было выше моих сил, и я прокралась в офис, но меня заметил Сафин.

– Посиди, если хочешь, за компьютером, почитай какие-то новости в интернете – ты же любишь новости. Подожди, когда мы закончим.

Компьютер! Новости! Интернет! Я с удовольствием погрузилась в прежде знакомый мир, и, когда спустя три часа очнулась, то увидела, что Сафин провожает адвоката и Алекса – все выходят из офиса.

– Скоро вернусь, – сказал Сафин. И правда, вернулся через десять минут: – Я сейчас, только душ приму, и сразу к тебе.

Через полчаса я пошла его искать, и нашла в одной из гостевых комнат. Он лежал на кровати одетый и в ботинках, сладко спал, обхватив подушку обеими руками.

Сняв с него ботинки, укрыла пледом и потушила свет. Затем, не раздеваясь, легла на кровать рядом, прижавшись к нему всем телом. В тот же самый момент Сафин выпустил подушку и крепко обнял меня.

– Я не спал две ночи, страшно устал, прости... – и тут же уснул, не выпуская меня из объятий.

Это была одна из самых счастливых ночей в моей жизни. Он спал тихо, как ребенок, доверчиво прижавшись ко мне. Изредка постанывал, тогда я обнимала его крепче, он сразу успокаивался, дыхание его становилось спокойным и ровным.

Как маленького ребенка, я гладила его по волосам, а он... улыбался. Он улыбался во сне!

Так мы и лежали всю ночь, слившись в единое целое без всякого секса, больше, чем телами, слившись единением наших потерявшихся душ. Он искал во мне тепла, доверчиво прижимаясь, и я готова была отдать ему все тепло своего сердца. В ту ночь я полюбила его так сильно, что за эту любовь можно смело идти в огонь.

Заснула я под утро, а когда проснулась, его уже не было. На подушке лежал листок бумаги, на котором было нацарапано: «Спасибо за эту ночь. Наверное, я тебя люблю. Вирг».

* * *

Появившийся в офисе Николай отвез меня на квартиру. Там я раскрыла коробку, и вздрогнула от отвращения, увидев привезенное мне платье. Но, конечно же, я твердо знала, что одену его на выставку. Я и одену, и сделаю для него все. Виргу Сафину нужно только сказать.

Я не случайно остановилась на описании этой выставки так подробно. Выставка Вирга Сафина стала переломным моментом. Уже тогда, одиноко слоняясь в абсолютно чужой и безразличной для меня толпе, я начала понимать очень многие вещи. Наверное, начало того, о чем Сафин хотел мне сказать.

Именно на этой выставке я поняла, что Вирг Сафин – гений. И это не громкие слова, это не пошлая бравадность вычурных слов. Я поняла, как сильно этот человек отличается от всех остальных, и даже испугалась немного, потому что сразу не знала, что мне с этим делать. Помню, как понимание гениальности Вирга Сафина напугало и ошарашило меня. Наверное, все удары бывают внезапны, особенно, когда меньше всего этого ждешь. Так произошло и со мной.

Я поняла, что столкнулась с чем-то очень для себя необычным, о чем никогда не знала и не понимала прежде. Настолько странным и неожиданно непонятным, как климат Марса, как древнекитайский язык или полузабытые письмена арамейского. Погубит это меня? Приведет к истине? Спасет?

Страх был плохим советчиком и ничего не мог подсказать. Кроме того, что самое странное поведение Вирга Сафина может являться самым нормальным и самым реальным, и что к поступкам его нельзя подходить с той точки зрения, с которой я подходила бы к любому другому мужчине. Он совершенно не такой, как я, как все эти люди на выставке. Он – ДРУГОЙ.

Я стояла перед женским черно-белым фотопортретом, снятым в дымчатой, рассеянной световой манере Сафина. Портрет был абсолютно живым – он дышал. Это было мгновение живой красоты, запечатленное на фотографической пленке. Минута вечности, протягивающая ко мне руки. И я стояла и смотрела, и все не могла отвести взгляд.

Это была не просто фотография женщины средних лет ослепительной красоты. Это было что-то уникальное, словно сама сущность жизни. Я не могла подобрать слов. Мне нравилось все: дымчатые тени, падающие на лицо модели, какая-то редкая зернистость, словно бугристость фотопленки, от чего казалось, что портрет снят на песке или в объектив камеры попал песок. Мне нравилось темное платье женщины, и яркий контраст, окружающий лицо: белоснежные волосы, вокруг которых словно обернута черная вуаль.

Я стояла и смотрела на портрет достаточно долго, когда меня вдруг осенило. Ну, точно стукнуло по голове!

Да я же знаю эту женщину! Это знаменитая актриса из плеяды звезд советского периода. Советские фильмы с ее участием очень популярны и сегодня, и любимы мной с детства. Как же я могла ее не узнать?

Ответ на этот вопрос был самый простой, и он меня поразил. Актриса эта была совсем некрасивой. У нее было не пропорциональное, своеобразное, порой даже отталкивающее лицо. Здесь же, с портрета, на меня смотрела абсолютная красавица, ну просто неземная красавица с гармоничным лицом, идеалом всех симметрий и пропорций! При этом было прекрасно видно, что она уже не молода – не выглядела молодой. Она выглядела красавицей в своем зрелом возрасте – возрасте ярких красок осени после пышного лета.

Как могло это произойти? Я спросила себя и тут же нашла ответ на вопрос. Эффект зернистости пленки, рассеянный колорит приглушенного освещения, преломление света или тени, искусственно созданное Виргом Сафиным, превратили уродливые черты лица, лишеного пропорций, в абсолютную гармонию.

Теперь я прекрасно поняла, почему люди сходят с ума из-за фотографий Сафина, и готовы платить портрет, сделанный им, сумасшедшие деньги. Конечно, если алюминиевый король увидит плоскогрудую блондинку Хелену с примитивным, словно придавленным, лицом таким вот божеством, это моментально изменит его отношение к ней. Возможно, он сразу предложит ей руку и сердце. Это как раз тот случай, когда одна фотография может изменить целую жизнь.

Но как это происходит? Как он это делает? Как вообще возможно такое сделать? Это – магия, волшебство, мистика? Так я поняла, что Вирг Сафин гений. И это даже испугало меня поначалу.

– Одна из лучших, – горячее дыхание обожгло кожу, и рядом со мной, так близко, появился Вирг Сафин собственной персоной.

– Одна из лучших моих работ, – сказал Вирг Сафин, – помнишь, какой уродиной она была в фильме про зимние каникулы? А про цирк? Я сотворил божество!

– Это просто невероятно... Все, абсолютно все – и одежда, и ее волосы, и этот черно-белый колорит.

– Я всегда снимаю черно-белые фотографии, если ты заметила. Именно такой подход может обнажить суть. А хочешь, открою секрет? – Сафин наклонился совсем близко, его горячее дыхание обжигало обнаженную кожу на моей шее.

– Конечно, хочу.

– Видишь черную вуаль вокруг головы за ее белыми волосами? На самом деле никакой вуали нет!

Я сначала не поняла, что он сказал. А когда до меня дошло, повернулась всем телом, и глазами изображая вопрос.

– Никакой вуали нет. Это отражение ее судьбы, – засмеялся Сафин, – черная судьба – отражение грехов. Много мужей, много убитых ради кинокарьеры детей. Черная судьба. Это напоминание из ада. Рожки вокруг головы, если хочешь! Сатанинские рога!

Честно говоря, я не поняла, что именно он хотел мне сказать. Но что бы он ни сказал, я инстинктивно почувствовала, что это было что-то очень страшное. И это тот человек, с которым я провела всю ночь, который прижимался ко мне во сне доверчиво и открыто, как маленький ребенок! Я не знала, что себе говорить – внутреннего диалога с собой как-то не получалось. Я решила ненадолго выйти из зала.

Глава 6

– Пойдем, покурим.

Я обернулась. На меня в упор, как два пистолетных дула, были направлены неподвижные глаза Алекса. Мне снова стало не по себе, тем более что он остановил меня в дверях. Остановил, легонько толкнув в спину.

– Я бросила, – стараясь сохранять спокойствие, ответила я на предложение. Тем более, это была правда. Ради себя в глазах Вирга Сафина я решила не курить и свято исполняла это намерение.

– И не пьешь? – съехидничал Алекс.

Я попыталась от него уйти, но тут он уже бесцеремонно схватил меня за локоть. Мне стало почему-то не по себе от его прикосновения. Я аккуратно высвободилась.

– Есть разговор. Важный. Советую тебе со мной поговорить. Это касается Сафина.

– Хорошо, – стоило Алексу произнести его имя, как я уже была готова на все, – можно и поговорить. Но ни пить, ни курить с тобой я не буду.

– Как выйдешь из зала, иди в коридор слева. По коридору последняя дверь. Я буду ждать тебя там. И не вздумай сбежать. Это в твоих интересах.

Алекс исчез так же быстро, как и появился. Никаких сомнений у меня не было. Едва я вышла из зала, как оказалась в просторном холле галереи. Справа и слева были два коридора – оба открыты. Впереди – лестница, ведущая к выходу на улицу. В холле было так же шумно, как и внутри, из залов доносилась музыка, звон бокалов, шум. Недолго думая, я повернула налево.

На дверях в коридорах не было никаких опознавательных табличек. Освещение было достаточно ярким. Нужная мне дверь была чуть в стороне от других и чуть дальше. Быстро пройдя коридор, я остановилась перед нужной мне дверью. Помню, как пальцы крепко сжали ручку, толкая дверь вперед. Это было последнее, что я четко запомнила.

Первым была даже не темнота, а какой-то сладковатый привкус и резкий толчок в спину. Кто-то очень сильно толкнул меня вперед, я потеряла равновесие, зацепившись за порог. Потом, словно с головой, погрузилась в бочку, полную сладковатой, тошнотворной жидкости. Возможно, кто-то прижал к моему лицу тряпку, пропитанную этой приторной гадостью. Наверное, это было самое правдоподобное объяснение, потому что, зацепившись за порог, я полетела сразу в пустоту.

Пришла в себя я от кашля, мучительно разрывавшего мою грудь. Я лежала на ледяной мраморной плитке – вокруг сплошная темнота. Тело мое затекло от неудобной позы. В горле невыносимо, до боли, першило. Казалось, горло разрывает бешеный озверевший кот. И я кашляла, кашляла до судорог, чтобы избавиться от острых когтей чудовища, лишавшего меня воздуха.

Пытаясь сесть в этой судорожной бронхиальной агонии, я больно стукнулась обо что-то твердое плечом. Оказалось, это унитаз, а я лежу на полу в кабинке туалета. Держась за унитаз обеими руками, я попыталась встать. Очень скоро нащупала дверцу и толкнула ее вперед, но она оказалась открытой. Все, что я увидела перед собой, – только густую, серую завесу дыма, в которой проблескивали ало-рыжие искры.

Сознание вернулось мгновенно. Пожар. Я нахожусь в туалете, меня оглушили и заперли здесь, а туалет горит. Пожар. Именно дым и был острыми кошачьими когтями, рвущими мои легкие и мое горло.

Сделав несколько шагов вперед в густую завесу дыма, я буквально захлебнулась гарью, ударившей в нос, горло, глаза. Я задыхалась, словно меня душили. Глаза вмиг потеряли способность видеть, вылезая из орбит. Казалось, что под веки мне насыпали раскаленный песок – я испытывала жуткую боль и с каждой секундой боль эта усиливалась все больше и больше.

Я попыталась закричать, но вместо крика из моего горла вырвался судорожный хрип, тут же перешедший в мучительный кашель. Дым заполнил рот, горло – кричать я уже не могла, к тому же почувствовала, что теряю сознание.

В этот момент с громким треском с потолка что-то рухнуло и я увидела сноп искр. Огненным фейерверком они рассыпались на мою пышную юбку. Дальше случилось самое страшное – пышная гипюровая юбка вспыхнула на мне, как пропитанный бензином факел.

Взвыв, я метнулась обратно в кабинку, пытаясь содрать с себя этот пылающий огненный саван – мне это удалось, и я затолкала горящую юбку в унитаз. Но это помогло мало. Дверь кабинки стали пожирать длинные языки пламени. Забившись в угол и пытаясь вжаться в стену, я прекрасно понимая, что это конец. Выхода не было. Отчаяние захватило мой мозг, парализуя волю.

Из последних сил я принялась колотить в стену, издавая какие-то звуки, все больше и больше глотая дым. И вот в какой-то момент я уже не смогла сделать очередной вздох, медленно сползая по стене вниз, к караулящей меня огненной гибели, думая только о том, что я умираю, и как это глупо... Как глупо...

Очнувшись я от мучительной боли в запястьях и от чистого воздуха, вливающегося в мои легкие чудотворным бальзамом. Меня окружали темнота и тишина, а еще пульсирующая боль, сковавшая мои руки.

Попытка пошевелить руками была безуспешной. Вместо того чтобы изменить положение рук и прогнать боль, я поняла, что не могу сдвинуть их с места, а боль только усилилась.

Эта вспышка мучительной боли воскресила мой мозг и заставила меня вернуться к жизни. Я открыла глаза и не поверила, тому, что увидела: надо мной был настоящий шелковый полог яркого лилового цвета, похожий на старинный балдахин. Возможно, это и был балдахин на кровати, стилизованной под средневековые.

Все то, что я увидела, показалось мне кошмарным сном, который моментально привел меня в сознание. Широко раскрыв глаза, я пыталась понять, что со мной происходит и где я.

Очень скоро мне стало понятно, что это был не сон. Реальность, в которой я оказалась, превзошла самые смелые, и самые страшные мои ожидания.

Я лежала на огромной средневековой кровати с балдахином из яркого лилового шелка, небом возвышающегося надо мной. Этот цвет такой необычный, он словно гипнотизировал меня, и я не могла оторвать от него глаз.

Нет никакого пожара, нет огня. Воздух чистый и очень холодный. Мое тело покрылось гусиной кожей. Я не могла пошевелить руками, не чувствовала своих ног. Мои руки и ноги были крепко привязаны к деревянным колонам кровати. Веревки впились в мою кожу, причиняя невыносимую боль. Я чувствовала себя распятой живо.

Опустив глаза вниз, увидела на себе обгоревшие лохмотья. Это остатки платья. Они – единственное свидетельство того, что я не сошла с ума, а на самом деле пережила пожар. Вместо безвкусного черного гипюра и бордового шелка – бесформенные лохмотья, потерявшие цвет, прикрывающие запачканную сажей грязную кожу. Сквозь разорванное платье виднеется нижнее белье – оно такое же грязное и обугленное, как и все остальное.

Мне было страшно. Мучительно страшно. Липкий, ужасающий страх нарастал, очень быстро заполнив все тело. Если бы я могла двигаться, как-то себя контролировать, я задрожала бы в лихорадке. Но двигаться я не могла, мое тело больше не подчинялось мне. Нет ничего хуже этого состояния беспомощности.

Руки и ноги начали затекать, мучительно ныла спина. Предприняв попытку немного изменить положение тела, я натянула веревки. Жесткие путы тут же впились в него, разрывая его. Повернув голову, я увидела, как на запястьях из-под веревок появились большие капли крови. Одна из этих капель, алая-алая, как само ощущение смерти, медленно поползла по руке вниз.

С громким стуком открылась дверь. Медленные, тяжелые шаги приближались к кровати, ко мне. Они звучали, как маятник смерти. Я вслушивалась в грохот этих страшных монотонных шагов, и сердце мое звучало в такт им, в тон единственному звуку, способному вырвать меня из этого оцепенения, из этой страшной пытки.

Темный силуэт остановился, глядя на меня сверху вниз. Это был мужчина. Я видела его обнаженный торс. Лицо было скрыто под черной маской. Его черные волосы падали ему на плечи, на голую грудь, поросшей жесткими черными волосами, сверкал серебряный медальон. Несмотря на маску, я прекрасно знала, кто он – Вирг Сафин.

Он наклонился ко мне совсем низко так, что я видела темный блеск его глаз. Правой рукой он медленно, словно лаская кожу, провел по моей шее. Затем...

Руки его сжались. Обхватив мою шею обеими руками, он душил меня, не давая мне глотнуть воздух... В глазах потемнело, комната расплылась огромными кругами, ускользающими от меня в бесконечном пространстве. Я поняла, что скоро потеряю сознание. Тело забилося в конвульсиях.

В тот самый момент, когда тело мое сотрясало в конвульсиях от невиданного прежде оргазма, Сафин бросился на меня.

Он насиловал грубо и жестко, причиняя боль, без всякой тени нежности, удовлетворяя свое желание сильными животными толчками. Он сжимал мои бедра с чудовищной силой, и эта боль наполняла все мое тело. Мозг был отключен. Взрыв разноцветной вспышкой разнес мой мозг, уничтожив все вокруг. Я почти потеряла сознание, обмякнув в жесткой схватке его грубых объятий. Последнее, что я помнила, как свет темнел в глазах, и все плыло, и какой-то укол в плечо, показавшийся мне не болезненнее комариного укуса.

Краем ускользающего сознания я увидела в руке Сафина шприц, но уже не могла понять, что происходит. Все потемнело, изменило свои очертания и уплыло дальше и дальше.

Наверное, было бы очень драматично описать первые признаки моего пробуждения. Но на самом деле все было не так. Не было никакой драматичности. Я пришла в себя в квартире, в собственной постели. Просто проснулась, разбуженная ярким лучом солнца, проникшим в мою комнату сквозь незакрытые шторы. Постель была расстелена, и я довольно спокойно лежала в ней. На мне была даже моя собственная ночная рубашка, а вот нижнего белья не было.

Вспомнив, почему белья быть не может, я задрожала, но ненадолго. Резкая боль в руках стала более реалистичным сигналом моего возвращения к жизни. Поднеся руки к лицу, я увидела, что мои запястья забинтованы. Кто-то, по всей видимости, перевязал мои раны. И только когда я окончательно пришла в себя, то увидела, что возле моей кровати сидит человек, которого я совсем не ожидала здесь увидеть.

Капли обильного пота блестели на жирной лысине. И это было первым, что я увидела, когда окончательно открыла глаза и поняла, что вернулась. Конечно же, я сразу не врубилась в то, что происходит. Потом – поняла.

Возле кровати моей сидел «продавец воздуха» адвокат Сафина – Виктор Степанович. И по всей видимости достаточно долго ждал, когда я проснусь.

Жестом запоздалой стыдливости (хотя какая уж тут стыдливость после прошедшей ночи) я попыталась натянуть на себя одеяло. Но это не имело значения – «адвокат дьявола» совершенно на меня не смотрел, ему были абсолютно пофиг мои голые ноги.

Жест не прошел бесследно – руки пронзила жуткая боль, и мне это не понравилось. Но то, что я увидела, не понравилось мне еще больше: лодыжки украшали точно такие же белые бинты-повязки. Вдобавок ко всему у меня сильно болел живот.

Я снова рассматривала повязки на руках, и в этот момент адвокат заговорил – дьявол не выносит молчания.

– Похоже, останутся шрамы. Жалко, конечно.

От странности и неожиданности этой фразы я онемела. Он все знает? Меня сначала бросило в ледяной холод, затем в жар. Я пожалела, что нельзя спрятаться под одеяло с головой – так плохо я себя чувствовала.

– Где Вирг? Вирг Сафин?

– А зачем вам Вирг Сафин? Собираетесь ли вы предъявлять претензии или не собираетесь, в любом случае вам нужно поговорить сначала со мной. И не смотрите на меня такими глазами! Единственный, кто вам сейчас нужен – это я.

Несмотря на весь ужас услышанного, я хмыкнула. Ситуация была абсолютно идиотской! После самого жуткого в моей жизни занятия сексом с мужчиной, от которого я без ума, я просыпаюсь вся в бинтах, да вдобавок к этому беседую с его адвокатом! Не удержавшись, я ухмыльнулась во второй раз. Это, похоже, вывело его из себя.

– Зря вы так! Между прочим, меня прислал сюда Вирг. Он очень хорошо относится к вам, и хочет вам добра. Поэтому в сложившейся ситуации только я могу расставить для вас все точки. Иначе мы все окажемся в тупике.

– Как я сюда попала? – я чуть приподнялась в кровати, сев поудобнее. Я уже поняла, что мне не предстоит ничего хорошего, и не собиралась сдаваться без борьбы.

– Вас привез сюда Вирг.

– Почему я этого не помню?

– Он уколол вам снотворное. Вы спали или были без сознания, что одно и то же.

– Где моя одежда?

– Одежда... хмы... – тут адвокат стыдливо кашлянул, – ее уже нет. Вам пришлют новую.

– Что вы от меня хотите?

– Чтобы вы подписали кое-какие бумаги. Это расписка в том, что вы не имеете к Виргу Сафину никаких претензий, и что согласны урегулировать возникший вопрос получением денежной компенсации.

– Что это значит?

– Вы подписываете все эти бумаги, получаете пятьдесят тысяч долларов на банковскую карту и билет на самолет в свой город. После этого сможете вернуться домой и забыть все произошедшее, как дурной сон. Мы все будем в расчете.

Я молчала и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он не правильно истолковал мое молчание.

– Виргу Сафину не нужны проблемы, и он хочет уладить все полюбовно. Он прекрасно понимает, что вы не привыкли к тому... ээээ, что произошло этой ночью. И он предлагает моральную компенсацию. Таким образом, он хочет, чтобы вы расстались полюбовно без взаимных претензий. И чтобы то, что произошло ночью, не было использовано против него. Видите ли, Вирг Сафин не обычный человек, и он не привык к обычным... э... отношениям. Вас это, возможно, шокировало, но получение денег будет служить залогом его доброго расположения к вам. Он хочет дать вам эти деньги, чтобы вы не держали на него зла.

– В обмен на что?

– Я уже сказал: на подпись о том, что вы не имеете никаких претензий, и еще на то, что вы уедете после получения денег. Уедете совсем. В любом случае вам придется подписать бумагу, что вы никаких претензий к Виргу не имеете.

Я замолчала, пытаюсь прийти в себя. О сексуальных странностях Вирга Сафина я догадалась и так. И, видимо, Сафин посчитал, что я страшно этим возмущена и шокирована, но самое потрясающее мое открытие заключалось в том, что ни шокирована, ни возмущена я не была. Почему? Я и сама не знала.

Адвокат, между тем, не успокаивался.

– Насколько я понимаю, было жесткое изнасилование, и вы можете требовать большую компенсацию. Так вот: Вирг Сафин готов дать вам деньги, оплатить обратную дорогу и сде-

лать так, чтобы вы спокойно вернулись домой. Он предлагает вам хорошие деньги. Пятьдесят тысяч долларов – это хорошие деньги за одну страшную ночь. Подумайте. В любом случае вы оказываетесь в выигрыше. Вам остается только взять деньги и поставить свою подпись.

– Я ничего подписывать не буду, не возьму никаких денег и не собираюсь уезжать отсюда, – четко отрезала я.

– Что?

– То, что слышал. Я не буду брать никаких денег. Я никогда не причиню Сафину никаких неприятностей, поэтому никакие бумаги подписывать не буду. Кроме того, не было никакого изнасилования. Все произошло по обоюдному согласию, и ничего страшного не было. А из Киева я уеду только в том случае, если Вирг Сафин скажет мне это сам лично. И без разговора с ним я не сдвинулся с места. Поэтому я больше не хочу видеть вас в своей квартире, не хочу, чтобы вы здесь появлялись. Немедленно уходите!

Я не знаю, откуда взяла слова, чтобы отрезать так, но они просто полились из меня сплошным потоком, расставляя все по своим местам. Как будто во мне открыли какой-то кран.

Адвокат надулся, как индюк. Лысина покраснела, и капли пота заблестели еще ярче. Казалось – вот-вот взорвется, и всю эту надутую спесь разнесет на мелкие куски.

– Послушай меня внимательно! Очень хорошо послушай. Самое разумное в твоей ситуации – это взять деньги и побыстрее свалить. Все равно кроме денег ты ничего не получишь. Если ты рассчитываешь на то, что Сафин на тебе женится, то есть серьезные причины, по которым он не женится на тебе никогда. Он просто немного поиграется с тобой и выбросит на помойку. Но после этих игр ты выйдешь серьезно покалеченной. Ты уже поняла. Поэтому самое разумное, что ты можешь выиграть, – это деньги. Потом их уже никто не даст. А если будешь упрямиться и продолжать, и денег не получишь, и потеряешь жизнь.

Наверняка он собирался меня испугать, но не испугал. Наоборот, сделал еще злее, хотя я не собиралась это показывать.

Видя, что в разговоре наступила пауза, он протянул мне какие-то официальные бумажки – несколько штук сразу. Я их взяла, и лицо его расслабилось. Взяв бумажки обеими руками, я ухмыльнулась.

Дальше произошло то, что и должно было произойти. Я порвала бумажки, «ученые записки кота Мура», на мелкие клочки и бросила в жирную лысину. Зашипев, как раскаленная сковорода, на которую плеснули водой, он выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью... Яркий луч солнца на уничтоженных документах, которыми пытался откупиться от меня Вирг Сафин. Занавес.

Я одела свитер с длинными рукавами, к счастью, руки не болели, и вышла из дома, чтобы узнать самое главное: кто и зачем хочет меня убить, какое отношение к этому имеет Вирг Сафин, оплатил ли он мое убийство? И я узнаю это рано или поздно.

Вспоминая сейчас тот день, я думаю, что принять такое решение было достаточно отчаянным поступком, находясь абсолютно одна в чужом городе, не имея знакомых, да еще и в ситуации, которую не пожелаешь и врагу. Не знаю, что втемяшилось тогда в мою голову. Но в том, что решение мое было правильным, я не сомневалась ни секунды.

Пожар в туалете галереи не был случайностью. Меня хотели убить. Это страшным криком кричала моя интуиция, а интуиция не обманывала меня никогда.

Галерею нашла не сразу – пришлось пройти достаточно много по шумному проспекту. Переулки казались мне одинаковыми, недвижимость в них стоила дороже килограммов платины.

Эти переулки сохраняли очарование старого города, как еле уловимый аромат дорогих духов. Шлейф этого драгоценного запаха стариной атмосферы тянулся шлейфом вдоль старых домов, превращенных в дорогие особняки. Несмотря на роскошный ремонт и суперсовремен-

ные системы охраны, они все равно казались старыми и вызвали странную грусть. Так бывает в присутствии мира, который невосвратно ушел.

В третьем переулке я нашла черную запертую густую решетку, наглухо перекрывающую вход, и совсем пустую парковку. Я узнала галерею, в которой была словно в чужой жизни. Где же роскошные плакаты с подсветкой во всю стену, с фотографиями, заставляющими замереть дыхание? Где неоновые огни? Огни, конечно, днем не положены, но плакаты где? Неужели я снова ошиблась, и это не тот дом?

Обогнув правый угол запертого здания, я словно в насмешку наткнулась на огромную погасшую вывеску с названием галереи. А на стене черные цифры – нужный мне номер дома.

Но в галерее – никакой жизни. Нет и признаков того, что выставка Вирга Сафина была здесь. Я не понимала, хотя очень пыталась понять, поэтому медленно пошла вокруг, осторожно поглядывая на решетку и стены, – я искала окна сгоревшего туалета.

Шаги заставили меня замереть на месте. Из-за стены появилось нечто лохмато-джинсовое с огромным фотоаппаратом на шуплой груди – существо, не похожее на бульдожьих секьюрити, на которых мне довелось насмотреться.

Когда существо приблизилось, я рассмотрела молодого парня лет двадцати – двадцати пяти, длинноволосого, лохматого, в модных рваных джинсах, богемного вида, совсем не похожего на посетителей выставки. Сердце болезненно екнуло: мне показалось, что так же мог бы выглядеть Вирг Сафин, если бы он не добился успеха, а остался непризнанным художником из авангардной тусовки и жил в подвале, а не в особняке.

– Эй, это ведь тебя вытащили из горящего туалета завернутую, как сосиска в тесте? – глядя на меня в упор, сказал парень.

От страха у меня подкосились ноги, и я сделала шаг назад. Но этот лохматый парень был не страшный, его лицо выражало внимательное любопытство – такое любопытство совсем не бывает праздным.

– Да ты не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю! – от парня не укрылась моя попытка сбежать, – но это ведь ты была, точно? Я тебя узнал! Тебя тащили совсем бесчувственную. Ты, наверное, и не помнишь.

– Кто тащил? – машинально спросила я.

– Трое охранников. Ты правда не помнишь? – парень нахмурился.

– Откуда ты это знаешь?

– Да я тебя сфотографировал, когда переполох начался. Вот, смотри! Да не бойся ты так, я тебя не съем!

Он достал из кармана смартфон и стал просматривать разные снимки. Затем нашел и увеличил изображение. Я ахнула.

Меня, и правда, несли трое охранников в форме галереи, завернутую в какое-то цветное покрывало, как в кулек. Один держал за плечи, другой – за талию, третий – за ноги. Несли, как на субботниках когда-то таскали бревно. Кадр получился четким. Мои длинные волосы волочились по земле, лицо было открыто – его хорошо было видно. Несмотря на то, что глаза были закрыты, узнать меня можно было легко.

– Зачем ты это фотографировал? – я нахмурилась. Ситуацию я совершенно не понимала, но она показалась мне тревожной.

– Я журналист. Фотограф. Работаю в интернет-издании (он назвал газету). На вечеринку открытия я попал потому, что мы очень интересуемся Сафиным, ищем про него все, что только возможно. Ты не поверишь, как мало о нем известно! Никто не знает практически ничего. Когда начался пожар и паника, я выскочил сюда, на задний двор, посчитав, что раз окна горящего туалета выходят сюда, то можно будет заснять кое-что интересное. И, как видишь, не ошибся. Я, кстати, так и не опубликовал эту фотографию.

– Почему?

– Не знаю, кто ты. Ты не из светской тусовки – это точно. И ты не дочка олигарха. Твоя дорогая одежда смотрелась на тебе, как с чужого плеча.

– Меня пригласили знакомые. Я была с ними, а потом решила выйти в туалет. Дальше... не знаю, что произошло.

– Скорее всего, ты наглоталась дыма и потеряла сознание до приезда пожарных. Тебя нашел местный персонал.

– Почему был пожар?

– Неисправная проводка. В галерее недавно делали ремонт и что-то не так подсоединили. Проводка и вспыхнула. В туалете был самый центр. А где ты очнулась?

– Я? В своей квартире... Но я ничего не помню. Я не помню, как оказалась там.

– Ну, это просто. Тебя вытащили местные охранники, они же вкололи тебе снотворное, чтобы ты отрубилась и ничего не помнила, а потом не предъявляла претензий к заведению. Если бы ты сейчас, к примеру, начала возбуждать и подавать в суд, в твоей крови нашли бы следы снотворного, а это наркотик. Сказали бы, что ты кололась в туалете наркотиками, да еще и попытались бы списать пожар на тебя. Все так делают.

– Я не понимаю. Если пожар был чем-то бытовым, обычное возгорание проводки, то почему галерея закрыта? И где выставка Сафина?

– Ты что, не знала, что выставка будет всего два дня? У Сафина все выставки по два-три дня, поэтому такой ажиотаж. Время уже прошло, выставку убрали, а в галерее просто выходной, сегодня же понедельник. Кстати, туалет пострадал совсем не сильно – я потом был, когда пожарные уехали. Снимал.

– Что же ты делаешь здесь, если все в порядке?

– А ты? – задал встречный вопрос. Я рассмеялась. Вопрос был не в бровь, а в глаз. Я то как раз не верила, что в пожаре все чисто, но ничего не собиралась ему говорить.

– Слушай, ты все-таки журналист, знаешь все об этой тусовке. Можно тебя спросить? Как настоящее имя Вирга Сафина? Откуда он родом? Как добился такой славы?

– Ой, ты задаешь такие сложные вопросы... Не знаю, что тебе и сказать. Начну с того, что никто не знает его настоящего имени. Вирг Сафин – это псевдоним. Свое настоящее имя он никогда не произносит, и не дай Бог его об этом спросить! Я знаю людей, которые пытались это выяснить, так Сафин испортил им всю карьеру. Никто также не знает, откуда он родом, приехал в Киев или родился здесь, из какой он семьи, живы ли его родители, есть ли у него родственники. Об этом он не говорил никогда – ни разу никто еще его не поймал. Что касается славы... Славу принесла необычность его фотографий. Знаешь, никто так и не понял, как он добился такой техники. Многие пытались разгадать. Есть одно интересное мнение... Оно кажется мне наиболее правильным. Некоторые специалисты считают, что перед съемкой он покрывает чем-то объектив камеры, чем-то специальным – затягивает пленкой, тканью или наносит специальный химический состав. Короче, использует какое-то вещество, которым он покрывает (или наносит сверху) объектив, оно и дает такое искажение, а также зернистость и расплывчатость, от которой фотографии его превращаются в какое-то чудо. Никто не знает, что это такое. Никто никогда не видел его аппаратуру для съемок и не знает, что он с ней делает. Съемки он проводит как все фотографы: устанавливает свет – это подтверждают все его модели. Но вот что он делает с аппаратурой до момента съемки, этого не знает никто. Но что-то делает, это точно. Я знаю людей, готовых заплатить за разгадку не один миллион. В его дом вламывались и шпионов нанимали, но ничего не вышло. Никто так и не узнал его секрет. А то, что секрет есть, нет никаких сомнений.

– А я слышала, что его фотографии предсказывают судьбу.

– Так и есть. Именно поэтому и предсказывают. Из-за своей необычности. Из-за секрета.

– У него есть семья – в смысле, жена, дети?

– Нет. Семьи нет. Он никогда не был женат, это точно. Ни разу. Но никто не заподозрил бы его в гомосексуализме. Бабник он страшный. Все его любовницы отзываются о нем очень плохо, и, как правило, дамы его всегда бывшие. Редко кто задерживался больше недели. Хотя среди них были и богатые, и молодые, и знаменитые. Послушай... – лицо его вдруг стало серьезным, – что-то ты задаешь слишком много вопросов о Сафине. Наверняка это неспроста.

– Нет, просто любопытство заело. Я ведь здесь всего неделю, так хочется обо всех знаменитостях узнать! А тут такой повод – случайно попала на выставку самого Сафина! Вот и спрашиваю.

– Держи на всякий случай номер моего телефона, – парень протянул мне визитку, – тут все телефоны, мессенджеры, е-мэйл, скайп. Меня зовут Макс. Максим Фомичев. Если вдруг что вспомнишь про пожар, звони мне. Держи. На всякий случай.

Я спрятала визитку и ушла, так и не назвав своего имени. Впрочем, он его не спрашивал.

Глава 7

Дом был построен в стиле швейцарского шале и увенчан мрачной готической башней, одиноко торчащей посреди крыши. От дома несло огромными деньгами и полным отсутствием вкуса.

– Ты ничего не понимаешь и не можешь понимать, – сказал Вирг Сафин, когда я поморщилась, – по статусу я вынужден жить в таком месте. Это статусный дом, а башню я пристроил сам!

Я остановилась перед самым входом, не решаясь войти, и уставилась на «статусный дом». Просто невероятный статус!

Шпиль острой башни вонзался в сумеречное небо, пронзая его, как в самом глубоком сексе. В беспощадном и глубоком сексе, когда о своем удовлетворении думает только один партнер.

– Ты здесь живешь? – я обернулась. Сафин догнал меня возле дома и подошел совсем близко. А у меня, как всегда, перехватило дыхание! Я не думала даже о том, что меня допустили в «святая святых», и Сафин привез показать свой дом.

– Да, я здесь живу. Это самый дорогой загородный район. Дом в этом месте означает, что ты чего-то в жизни достиг. Для меня это знаково. Это статус. На самом деле в этих краях, на этой улице не живет ни один фотограф или художник. Только я. Поэтому я придаю этому дому важное значение. Я купил его таким.

– Но ведь он тебе не нравится.

– Ты проникательна. Да, мне не все в нем нравится, поэтому я сделал несколько пристроек и добавил свою башню. Получилось не очень хорошо, зато я стал спокойнее относиться к нему.

– Что в башне? Твоя спальня?

– Нет. Моя мастерская. И туда никто, кроме меня, не войдет. Кто нарушит это правило – жестоко поплатится.

Помню, что его взгляд почему-то испугал меня до смерти. А по коже, по всему телу, прошел ледяной озноб.

Приближался день рождения Вирга Сафина – 8 ноября. Это совсем вогнало меня в депрессию. Что можно подарить человеку, у которого есть все? И что я могу подарить человеку, если о его отношении к себе я и понятия не имею? К тому же я совершенно не знала, как привык проводить Вирг Сафин этот день, и что он планирует на 8 ноября. Никаких сообщений от него не было.

Утром, почти на рассвете, меня разбудил мобильник. Взглянув на экран, не поверила своим глазам! Вирг Сафин.

– А знаешь, я по тебе соскучился. Сегодня еду домой и решил прихватить тебя с собой.

– Едешь домой? – разговаривать с Сафиным – все равно что разговаривать с инопланетянином.

– Я в офисе был, в центре. Сплошные дела. Не офис – прямо шоу-рум! Вот сегодня еду к себе – посмотришь мой дом. Ты ведь еще не была у меня дома. Сегодня хороший повод. Так что собирайся, заеду за тобой в шесть вечера. Просто выходи к подъезду.

Сходя с ума от нетерпения, я рванула в ванную, чтобы успеть хотя бы вымыть голову. В ванной, потянувшись, чтобы включить душ, в глаза бросились уродливые шрамы на моих запястьях.

Сафин достал из кармана маленький ключ нестандартной формы (я никогда не видела таких) и отпер входную дверь.

– У тебя много охранников?

– Хватает. Здесь везде охрана. Комар не пролетит, мышь не проскочит. Каждое новое лицо фиксируют камеры на жесткий диск охранного компьютера на центральном пункте охраны, и автоматически заносят в базу данных. Так что ты в этой базе уже есть.

Мне было абсолютно все равно, что он говорит, и, перепугавшись, что по своей странной проницательности он это заметит, быстро пошла вперед к открывшейся двери в дом.

Его руки, быстрые, как свет, перехватили меня за плечи, рванули к себе. Неожиданно я забилась в мощных тисках его крепких объятий. Задыхаясь, оказалась прижатой к его груди. Наклонившись, он коснулся моих губ – быстро, мимолетно, но так сладко, что от этой сумасшедшей истомы все мое тело превратилось в судорогу страсти, бешеным напором сотрясающей каждую клетку моего существа. Это легкое, но чувственно-сладостное прикосновение губ было похоже на прикосновения ангела – словно ангел, пролетая, коснулся моих губ своим легким крылом.

– Подожди... – Сафин перестал целовать мое лицо, и я почти физически ощутила острую боль, – не так. Ты войдешь в мой дом не так.

Дальше произошло то, что трудно объяснить. Сафин вдруг резко, рывком, поднял меня на руки и понес, крепко держа на вытянутых руках. Я вскрикнула от испуга. Ощущение это было самым невероятным из всех, что я испытывала в своей жизни. Никто и никогда не поднимал меня на руки, никто и никогда не нес меня на руках!

Я чувствовала, как сквозь плотную ткань кожаной куртки бьется его сердце. Так, на руках, он перенес меня через порог.

– Я хочу, чтобы только так ты вошла в этот дом, – сказал Сафин, и глаза его при этом были абсолютно серьезными, – как моя единственная любовь, как моя судьба. Как мой венчальный знак. Как единственный венец, достойный меня, награда всей моей жизни. Моя единственная любовь, моя истина, мы повенчаны с тобой на небесах. Это знак нашего венчания.

Это был древний ритуал, мистический, как сама жизнь. И от красоты этого таинственного и светящегося любовью ритуала, от мистической сущности и волнующей красоты его жеста я, как последняя дура, заплакала. Обильным потоком слезы просто лились по моему лицу, когда Вирг Сафин переносил меня, как новобрачную, как жену, через порог своего дома. Так, невенчанной невестой и судьбоносной незаконной женой я и вошла в его дом.

Комнату заполнял аромат спелых персиков. Спелые, сочные персики в ноябре! В самом центре небольшого итальянского столика (я сразу поняла, что этот изящный позолоченный антиквариат с точеными, вручную вырезанными из красного дерева ножками стоит целое состояние) стояло огромное металлическое блюдо, наполненное ослепительными яркими плодами! Огромные, сочные, золотисто-красные южные персики, с румянцем на бархатистой кожице и запахом лучше любых духов. Эта картина, почему-то прочно врезавшаяся в мою память, радовала взгляд и сводила с ума! Тем более что логика разумно подсказывала: какие персики в ноябре?

Но они были, эти персики. Они существовали в реальности. Они лежали на блюде, стоявшем на изящном столике, и, словно посмеиваясь, смотрели на меня. И все это было в светлой, овальной комнате с эркером и золотисто-бежевыми стенами, изящной мягкой мебелью и светильниками из разноцветного стекла, рассеивающими жизнерадостный свет! От света этого становилось легче на душе. Я словно плыла в облаке. Мои крылья были невесомы, мне было так хорошо, как никогда еще не было.

Комната находилась на втором этаже. Опустив меня в холле на пол, Сафин принялся показывать свой дом. Внутри он показался мне еще больше, чем казался снаружи. Он был просто огромен! Особенно добили меня зимний сад на первом этаже и крытый бассейн. Рядом с бассейном была какая-то выложенная мозаичным мрамором баня (Вирг Сафин объяснил – турецкий хамам) и нечто вроде спортзала, в котором не было ни одного тренажера.

Сафин сказал, что спортзал был уже в планировке, и он не стал ничего менять. Но сам он спортзалом не пользуется, потому, что не любит спорт. «От спорта мне становится на душе плохо. Словно тупею», – сказал Вирг Сафин, и я полностью согласилась с ним.

На первом этаже была библиотека, где было совсем немного книг («Не люблю читать. Книги меня пугают. Как по мне, так все книги – отражение больной фантазии автора, ничего больше», – сказал Вирг Сафин). Еще меньше было настоящих картин («Не терплю большинство современных художников. В большинстве случаев это просто раскрученные дешевки и бездарности. Ни за что не стал бы держать в своем доме современные картины!»).

Дальше на первом этаже были гостиные и гостевые комнаты. Все очень дорогое, обставленное эксклюзивной мебелью, и парадно-официальные. Парад долларов и евро. Но, несмотря на свою роскошь, эти комнаты выглядели пустыми – в них не было души.

Личные покои Сафина располагались на втором этаже. В конце коридора я увидела лестницу.

– Она ведет в башню, в мою мастерскую-студию, – пояснил Сафин, – Он закрыт.

Сафин махнул рукой в сторону закрытых дверей («гостевые спальни, кабинет и моя – увидишь ее потом») и провел в полуоткрытую дверь, первую от лестницы. Чем это было «увидишь ее потом», я так и не поняла: обещанием или угрозой?

– Итальянская комната. Моя самая любимая, – пояснил Сафин. – Я специально обставлял ее так, чтобы в ней было уютно, тепло и светло.

– Почему итальянская? – удивилась. – Ты так любишь Италию?

– Не об этом речь! – Сафин небрежно махнул рукой. – Конечно, Италия хороша, и отдыхать на Адриатике здорово. Но я назвал ее итальянской, во-первых, потому, что всю мебель выписал из Италии. А во-вторых, потому что... ты не поверишь! Я страшно люблю пиццу.

– Пиццу?! – я смотрела на него во все глаза.

– Ну да! Вкус из детства. Когда я ем пиццу, у меня возникает такое светлое, радостное чувство. Вот я и придумал сделать комнату, в которой бы возникало такое светлое, радостное чувство, как в детстве, когда я впервые в жизни попробовал пиццу. Знаешь, это было, когда впервые в жизни я оказался в самом настоящем кафе и попробовал пиццу. Это было для меня таким невысказанным счастьем! Я такого никогда не испытывал – ни до того дня в детстве, ни позже. Вот я и решил сделать себе комнату, которая чуть-чуть будет напоминать, вызывать это ощущение.

Рассказ Сафина автоматически зафиксировался в моей голове и словно отложился в определенную папку. И я еще раз дала себе слово фиксировать, откладывать в памяти такие моменты, чтобы разгадать тайну жизни Вирга Сафина.

Когда же я увидела эту комнату, то поняла, что он имеет в виду. Эта комната была такой, из которой не хотелось уходить, не говоря уже о роскошно накрытом столе, стоящем посередине.

По краям стола стояли вазы с огромными букетами роз: ярко-алыми и белыми. Розы источали такой же пьянящий аромат, как и персики. И, смешиваясь, запахи создавали какую-то диковинную смесь. Было лучше, чем самые дорогие духи, правда!

Оторвав взгляд от персиков, я разглядела огромную коробку с конфетами, пирожными в шоколадной глазури, торт и дорогое шампанское (кажется, настоящий «Дом Периньон» – я боялась поверить своим глазам).

– Сладкий стол, – пояснил Сафин, – это я специально придумал приготовить все самое сладкое и вкусное, что мы не едим каждый день. Здорово, правда?

Я кивнула, недоумевая, как в Вирге Сафине уживается что-то от ребенка. Ну кто еще, кроме не повзрослевшего ребенка (или взрослого, лишенного детства) будет поедать сладости в таком количестве? Тем не менее идея была замечательной – у меня аж потекли слюнки!

– Торт и пирожные, кстати, тоже из итальянской кондитерской. А розы для доказательства того, что из всех роз самая красивая – ты!

На это и сказать было нечего. И я ничего не сказала.

– Знаешь, что сегодня за день, и что мы будем праздновать? – сказал Сафин, усаживая меня за стол в удобное полукруглое кресло, – завтра мой день рождения. Я хочу встретить его утро с тобой, а отпраздновать неофициально хочу сейчас.

– Но праздновать заранее плохая примета! – брякнула я, но Сафин не рассердился, а улыбнулся.

– Это все дурацкие забобоны. Их придумывают сами люди, чтобы усложнить себе жизнь.

– Разве ты не будешь праздновать с близкими?

– Моя самая близкая – ты. На самом деле у меня будет и официальный статусный день рождения в крутом ночном клубе, где пресса, телевидение, крутые гости. Все это через неделю, наверное. А мой тайный, интимный день рождения будет сейчас.

– Но я не знала и не взяла с собой подарок.

– Не страшно. Успеешь вручить. Мой самый главный подарок – ты.

– Я спросила о твоих родителях или родственниках. О твоих родных.

– У меня никого нет, – и добавил, перехватив мой взгляд, – мои родители умерли давно, а в семье я был единственным ребенком.

– Извини. Я не хотела, – смутилась я.

– Ничего. Знаешь, ты единственный человек в мире, которому я об этом сказал. Обычно я не рассказываю такие подробности.

– Кто же тебя воспитывал? Или они умерли, когда ты был уже взрослым?

– Жизнь, – Сафин нахмурился, я поняла, что переборщила с вопросами и испугалась, что все испортила. Он поймал мой взгляд и добавил, чтобы я успокоилась, – они умерли, когда я был уже взрослым. Мне был 21 год. Мои родители погибли в автомобильной катастрофе. Они были в машине вдвоем.

– Извини...

– Не будем больше об этом. Давай праздновать.

В воздух взлетела пробка от шампанского, и я засмеялась. Не отпив ни глотка, я уже была пьяной от этого невероятного дня. Сафин присоединился к моему смеху, как вдруг я заметила одну вещь: он выглядел очень счастливым и смеялся вместе со мной, но глаза его не смеялись.

Пузырьки от шампанского казались мне разноцветными. Для меня в тот самый момент они были настоящими молекулами счастья. Какая разница, что выражали его глаза? Возможно, моя ошибка как раз и заключалась в том, что я присматривалась к нему слишком внимательно? Может, в этом как раз и заключается корень общих бед. Не стоит тщательно присматриваться к другим. Чем меньше внимания – тем лучше. И уж точно намного больше оценят.

Поэтому, не засоряя мозг лишними мыслями, я залпом выпила терпкое, обжигающее, пряно-сладкое, золотистое вино и увидела то, ради чего сюда шла: по лицу Сафина вдруг разлилась одуряюще счастливая улыбка.

– Ты любишь шампанское? – сказал Сафин.

– Очень. Но в моей жизни его было мало.

– Почему?

– Потому что шампанское – это праздник, а праздников совсем мало. Бывает, мы принимаем что-то за праздник. На самом же деле выходит совсем не так.

– Ты – мой праздник, – сказал Сафин, – мне никогда еще не было так легко ни с кем. Даже шампанское рядом с тобой становится другим. Вкус – иначе.

– Лучше или хуже?

– Не знаю. По крайней мере, вкус другой. А я готов жизнь за это отдать. За то, чтобы найти что-то другое, не такое, как все. В обычном найти нечто, что станет выглядеть совершенно иначе.

– Мне кажется, ты уже нашел.

– Ты имеешь в виду мою славу? Нет, все это дело случая. Ну и, конечно, я помог себе сам. Я, конечно же, хотел славы. Но в том, что она есть, заслуга не только моя. На самом деле я увлекался фотографиями очень давно. Снимал почти с детства. Помнишь, были такие советские допотопные черно-белые фотоаппараты и тяжелые, как оглобля? Это был мой первый. Только мои первые фотографии никому не нравились. Ну правда – никому. Их даже рвали и выбрасывали. А меня дразнили и били. Вот тогда я понял: нужно стать не таким, как все. Мои фотографии должны быть совершенно другими. На самом деле существует очень много миров.

– И что тогда? – прошептала я.

– Почему ты говоришь шепотом? – удивился Сафин, – мы во всем этом доме одни!

– Просто я боюсь, вдруг ты прекратишь рассказывать, вдруг замолчишь...

– Тебе? – Сафин улыбнулся краешками глаз так, как умел только он, – не прекращу. А тогда – тогда наступили 1990-е годы, и мне нужно было как-то устроиться в жизни. Я пошел по стандартному пути, по которому шли все, кто хотел хорошо жить. Кто хотел много денег – и сразу. Но я все-таки отличался от остальных. И там, куда я попал (вернее, куда сам вошел), сумел выделиться из толпы. Этому я и обязан своей славой. Ты поняла, о чем я сказал?

– Криминал? – я все еще говорила шепотом.

– Разумеется. 1990-е годы. Криминал. Мою славу оплатил один бригадный авторитет 90-х. Оплатил, потому что в те годы я был связан с бригадными. И авторитет этот очень сильно меня боялся. Так боялся, что своими деньгами вытолкнул меня в мир искусства и сделал из меня самую настоящую звезду. Он был готов на все, чтобы я только ушел из мира криминала.

– Как это? – я вдруг перестала понимать его рассказ. – Ведь в бригадах делают наоборот – идут на все, чтобы из криминала никто не ушел.

– Я же сказал тебе, что был не таким, как все. У меня все произошло с точностью до наоборот. Знаешь, я по сей день очень благодарен этому человеку. Но, к сожалению, его уже нет. Через три года после того, как я окончательно покинул мир криминала, его убили – застрелили вместе с любовницей в очередной криминальной разборке. Так я и стал великим Виргом Сафиным. Хотя в криминале у меня было совершенно другое имя.

– Какое же?

– Палач. И дано оно мне было в насмешку за то, что однажды я отказался по приказу застрелить человека. Так и не стал стрелять.

– Но ведь за это не именуют Палачом, – удивилась я.

– У моего авторитета всегда было хорошее чувство юмора. Он был не адекватный, если можно так сказать. Он и прозвище мне дал странное, и не типично поступил со мной. Ты не передашь дальше мой рассказ. Я это чувствую. Ты не причинишь мне вреда, поэтому предлагаю самый простой тост – за нас, – Сафин налил мне шампанского с верхом, – ты самый удивительный человек в моей жизни. Без тебя я не вижу своего будущего. Поэтому выпьем за нас.

Сафин едва пригубил шампанское, я же выпила его залпом. И все не могла понять: от шампанского или от его рассказа у меня так кружится голова. Никак не могла понять и этого мужчину. Я вообще никогда не понимала, откуда приходит это понимание мужчин. Этого было достаточно, чтобы кружилась голова.

Когда я поставила бокал на стол, Сафин протянул ко мне руку. В его ладони лежал розовато-золотой персик. Его бархатистая, мягкая плоть переливалась в золотистом свете лампы, а соблазнительная кожица издавала одуряющий аромат.

– Возьми его, – Сафин протягивал персик мне, – прикоснись к нему, почувствуй, какой мягкий бархат. На него можно смотреть снова и снова. И каждый раз по-новому он будет сводить с ума.

Я взяла персик – он был сочный, но твердый. Идеальное соотношение, которое так трудно достичь. Еще мгновение, и Сафин вдруг оказался за моей спиной. Наклоняясь ко мне, он сжал пальцами мою руку.

Его взгляд был прикован только к моей руке. Вдруг он сжал мою руку с персиком, и поднес к моему лицу. Мягкое прикосновение бархатистого фрукта к коже было довольно возбуждающим. Медленно, мягко, чувственно он провел персиком по щеке, по шее, затем спустился к плечу. Эротичность этого странного действия была безумно волнующей. Наслаждаясь всплеском бодрящей чувственности, я даже прикрыла глаза.

Сафин медленно и аккуратно высвободил мою руку из свитера. Прикосновение персика к моей обнаженной коже, сопровождаемое чувственным его шепотом, сводило с ума.

– Почувствуй страсть, которая таится под его бархатной кожей. Почувствуй, как струится в твоих венах горячая кровь. Нежная плоть ласкает твою кровь. Почувствуй это соединение жизни... – говорил Сафин, погружая меня в водопад невероятно чувственных ощущений, – Твоя кожа горит. От прикосновения ты попадаешь в другой мир... Ты чувствуешь нежность, ласкающую твою кожу? Снова и снова, до самого дна... Отдайся этому чувству.

Чувственный стон вырвался из моей груди, и в этот самый момент я открыла глаза. Меня мгновенно отрезвило выражение его лица – за какую-то долю секунды с меня слетело все эротическое марево.

Глаза Сафина горели диким огнем. Он не сводил глаз с моего обнаженного предплечья. Но что это был за взгляд! Все его лицо до мельчайших нервов было искажено черной, палящей, сжигающей страстью. Я никак не могла определить, что это за страсть. Мне вдруг показалось, что я заглянула в черную, пугающую бездну, расселину в скалах. Краски привычного пейзажа вдруг сменились пугающей сплошной чернотой, и я застыла у края устрашающей бездны. Что-то темное, неподвластное моему разуму, вообще разуму человека, прямо из пропасти этой бездны уставилось на меня.

Я не могла бы описать более точно, что я почувствовала. Лицо Сафина в тот момент было белым, белее снега, словно от него отхлынула кровь. И этот пугающий огонь глаз, которые были не глазами, а бездной. Я не могла все это перенести!

Вздрогнув, я отстранилась. Сафин тоже вздрогнул и, как бы очнувшись, пришел в себя. Все еще пребывая в каком-то черном тумане, он отстранился от меня. Удивительное ощущение сверхъестественной чувственности исчезло, словно его никогда и не было. Сафин резко отошел и сел на свое место.

– Возьми персик, – сказал он, – съешь.

Тут только я обратила внимание, что персик давно уже лежит на столе. Кто его туда положил? Я или Сафин? И что же тогда ласкало мою кожу? Неужели его руки?

Лицо Сафина все еще было белым, неестественно обескровленным, как у человека, пережившего тяжелейший нервный стресс. Но ведь стресса не было! Мысль об этом напугала меня больше, чем могло бы напугать любое реальное событие. Я вдруг почувствовала резкий озноб, как будто в комнате открыли окно.

Медленно, стараясь не показать свой испуг внешне, я потянулась к персику. Положила его на свою тарелку. Взяла нож и разделила персик на две половинки. Он разделился на удивление легко. Я взяла одну из половинок и протянула Сафину.

– Вот. Я съем его вместе с тобой.

– Что ты делаешь?! Зачем?! – в голосе Сафина вдруг зазвучала паника.

– Одну половинку съем я, а вторую – ты. Все по справедливости. Я хочу съесть его вместе с тобой.

Лицо Сафина исказила судорога. Он вскочил из-за стола так резко, что стул упал. Вздвигнув от грохота, я обрадовалась тому, что могу открыто дрожать.

– Что случилось? Что с тобой?! – дрожа, я все еще протягивала ему персик. – Чем это ты так потрясен? Вот, бери! Я хочу с тобой поделиться. Давай съедем его вдвоем.

Лицо Сафина стало еще белее, глаза налились кровью, а руки задрожали.

– Как ты могла это сделать? Как ты сделала это?!

– Что я сделала?! – я чувствовала себя так, словно падаю в бездну абсурда.

– Ты... Ты... – Сафин вдруг пулей вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью.

От стука двери две половинки персика шлепнулись на стол, заливая скатерть своим соком. Страшно дрожа, как в лихорадке, я принялась натягивать на себя свитер. Меня бил озноб. Происшедшее не укладывалось в голове. Я ждала, но Сафин появился только через два часа.

Все это время я провела в сплошном ступоре. Сначала тупо сидела за столом, глядя в одну точку, в ожидании любого ощущения, любого звука – отблесков понимания того, что произошло, отдаленных шагов, скрипа двери. Но вокруг ничего не происходило. За окном не было даже ветра. Ступор. Чушь. Поглощающая все белая тьма.

Я выпила все шампанское. Нервы мои были настолько напряжены, что даже выпитое шампанское не опьянило меня – я была трезва, как стекло. Съев кусок роскошного торта, я не почувствовала его вкус – мне казалось, что я жую бумагу. Жесткая, безвкусная бумага пачкала мои губы кремом, хрустела на зубах.

Я съела персик, ставший своеобразным яблоком раздора. Меня чуть не стошнило от приторной вязкости. Все, что бы я ни делала, все было не так, и мне хотелось плакать.

Тогда я принялась искусственно выводить себя из этого дурацкого ступора, но стало только хуже. Мне вдруг стало так страшно, что я выскочила из-за стола, заходила по комнате, трогала руками различные вещи, открывала и закрывала окно – все это я делала, чтобы монотонными физическими движениями избавиться от этого страха. Но ничего не получалось.

Непонимание происшедшего убивало меня. Так прошло два часа. Потом дверь открылась, и на пороге появился Вирг Сафин так, словно ничего не произошло. Его волосы растрепались от быстрой ходьбы и так сексуально рассыпались по плечам, что у меня снова свело дыхание. Его глаза горели, но уже нормальным, веселым огнем. Он улыбался доброй и открытой улыбкой, выглядел бодрым и свежим. Он был так красив, что сердце мое сжалось в болезненный спазм и отказалось перекачивать кровь.

– Привет, – сказал Вирг Сафин, – Заждалась? Были срочные дела. Извини.

И все это с такой очаровательной и добродушной улыбкой, что растаял бы и ледник на Северном полюсе!

– Надеюсь, ты не скучала? Попробовала торт? Мне сказали, что он очень вкусный. Жаль, уже нет времени мне самому попробовать! Пойдем быстренько, я хочу кое-что тебе показать.

С этими словами Вирг Сафин подошел ко мне, приобнял за плечи, легонько чмокнув в щечку, а затем повел в свою спальню.

Впрочем, я даже не представляла, куда мы идем. Мы прошли по коридору, дошли почти в самый его конец и остановились у двери слева, возле огромного полукруглого окна. Оно выходило на сосны, которые росли позади дома. Сверху, с фонаря, на них падал ослепительно желтый свет.

Отблески этого яркого уличного света моментально заплесали на волосах Сафина, его щеках, делая его похожим на сказочного тролля. Доброго или злого – мне так и не удалось понять.

– Это моя спальня. Идем, – сказал Вирг Сафин.

Мое сердце замерло, а затем с грохотом упало куда-то вниз. Пропустив меня в дверях, Сафин захлопнул дверь.

Не знаю, чего я ожидала, но спальня показалась мне по-спартански убогой и аскетичной. В ней не было ни роскошной мебели, ни шелковых обоев, расписанных вручную, ни хрустальных люстр. Широкая кровать, накрытая белым шерстяным покрывалом (похожая на одинарную). Кубические светильники из металла. Напротив кровати на всю стену – плазменная панель. Раскрытый, но выключенный ноутбук, почему-то валяющийся на бежевом ковре. Шкаф из светлого дерева. Закрытая дверь в ванную. Несколько книжных полок с книгами и какими-то папками. И множество фотографий, развешанных на стенах. Я сразу поняла, что это его фотографии.

В рамках и без, прямоугольные, квадратные и овальные, здесь, в комнате, они были самым главным и затмевали абсолютно все. Я вдруг поняла, почему в комнате почти нет мебели. На фоне этих фотографий обесценивалась и терялась любая мебель. Исчезала из зрения, буквально превращаясь в ничто.

Мне все стало понятным, как только я уставилась на фотографии, раскрыв шире глаза. Мой взгляд бегло просматривал все изображения, перескакивая с одного на другое, пока не сфокусировался в одной точке. И я вдруг я все поняла – именно эта точка и была самым главным смыслом не только в комнате, но, возможно, и во всем, что есть в этом доме, и во всей жизни Вирга Сафина.

Фотография. Большая черно-белая фотография, одна висевшая над кроватью. Фотография девушки-ангела без крыльев. Тот самый снимок, который я рассматривала в самолете в книге о Вирге Сафине. Тот самый снимок, который поразил меня в самом начале до глубины души. Я застыла, молча глядя на эту фотографию, не понимая, что происходит в моей душе. Сафин несколько минут молча стоял рядом затем вдруг выдохнул.

– Именно это я и хотел тебе показать.

Я молча кивнула, прекрасно понимая, что он хочет этим сказать.

– Эта фотография сделала меня знаменитым. По правде сказать, она производит очень странное впечатление на людей. Моя девушка с ангелом сделала меня знаменитым.

– Девушка-ангел? – сказала я.

– Нет. Не девушка – ангел. А девушка с ангелом. Разве это так трудно понять?

– Трудно. Где ангел? На фотографии – он где, ангел? Разве не она?

– Ангел не виден. Но он – рядом. Он – главный. Просто его нельзя разглядеть. И поверь, без этого ангела девушке даже с целыми крыльями грош цена.

– Ты ее знал? Эту девушку... Ты ее знал?

– Очень давно.

– И что с ней стало?

– Она умерла.

– Умерла? – выдохнула я.

– Она умирала уже на этой фотографии. Умирала от неизлечимой болезни, от рака, поэтому я и сфотографировал ее так. Когда она отражалась в моей камере, она уже была обречена.

– Как жаль. Умереть такой красивой... Такой молодой... – мой голос дрогнул.

– Нет, ее смерть не была напрасной. Она сделала меня знаменитым. Ее смерть превратилась в мою славу. Так и произошло, поэтому эта фотография всегда со мной как напоминание.

– О чем? – я не могла остановиться.

– Об ангеле, разумеется! О том, что на фотографии был ангел! О чем же еще?

– Разве ангел не мог ее спасти?

– Это был ангел смерти. Тот, кто не спасает, а уносит души людей. Но ангел был самый настоящий. Я знаю. Я его видел, вот, как сейчас, вижу тебя.

– Он был красив, этот ангел? – я не понимала, что за странный разговор...

– Он был просто ужасен и вначале перепугал меня до смерти. Но потом, когда я привык к его облику, он показался мне прекраснее всех.

– И где же он сейчас, твой ангел? Ушел? – допытывалась я.

– Пока никуда не уходил. До сегодня.

Сафин замолчал и стал серьезным. Я молча ждала продолжения. Несмотря на то, что диалог наш выглядел несколько странным, я легко его поддерживала. Мне вдруг показалось, что я немного его понимаю, понимаю то, что он хочет сказать.

Я ждала продолжения, но его не последовало. Он отступил от меня на несколько шагов назад.

– Мара, мне сейчас пора. У меня важная деловая встреча. Ты не сердись, ладно? Дела – это деньги, это важно. Я уже не вернусь сюда, а ты можешь переночевать здесь. Утром шофер тебя отвезет.

С этими словами Сафин отдалялся все дальше и дальше до тех пор, пока не оказался за дверью, и пока за ним она не захлопнулась. Я не успела ничего сказать. Дверь хлопнула, и я осталась одна.

В этот раз я не стала сдерживаться, а рухнула на его кровать и разрыдалась, колотила кулаками по покрывалу и ревела изо всех сил. Все отчаяние, не сбывшиеся надежды и разочарование этого вечера исходило мощным потоком.

Надо мной застыла девушка с ангелом и почему-то укоризненно смотрела на меня.

* * *

В этот раз платье было вечерним, в пол. Тонкий изумрудный трикотаж с пропущенной золотой нитью. Неимоверная красота! Ткань блестела, скользила, переливалась в руках, леденя пальцы. Мне было даже страшно представить, сколько оно может стоить.

Я надела его и подошла к зеркалу. Женщина, смотрящая на меня из ледяной поверхности зеркала, была не я. Мне вдруг стало так страшно, что я выключила в комнате свет.

Мое лицо, фигура, волосы, выражение глаз – все становилось абсолютно другим. Я менялась. Наверное, никто из окружающих не заметил бы никаких перемен, но только не я.

Я менялась не только внутренне, но и внешне, и мне это не нравилось. Выбор был уже сделан. На моей постели рядом с коробкой от платья лежал глянцевый пригласительный, поблескивая даже в полумраке комнаты хищным золотым боком. Это был пригласительный на день рождения Вирга Сафина, который состоится 13 ноября в одном из самых крутых ночных клубов столицы.

А 13 ноября... Увидев дату, я вздрогнула. В мыслях промелькнуло: неужели он решил совместить? Как будет восхитительно, если он поздравит меня прямо там, на крутой вечеринке в ночном клубе! Но радостная мысль быстро выветрилась из головы, раздавленная прозой окружающей меня жизни.

Ты ведь имеешь дело с Виргом Сафиным. Скорее всего, он про твой день рождения просто забыл. Он вылетел из его головы, как совершенно ненужная информация. Пора опомниться. Думать так было больно, поэтому на дату пригласительного я старалась не смотреть.

После персикового кошмара в доме Сафина я проснулась поздно, часов в одиннадцать. Мне удалось заснуть только под утро – я проплакала всю ночь. Умывшись холодной водой и стараясь скрыть опухшее лицо, я вышла в коридор, где меня уже ожидал Николай. Он отвез меня на квартиру, не произнеся ни слова. Я тоже предпочитала молчать. Сафин позвонил через день.

– Ты не сердись на меня? Я соскучился по тебе, Мара! Поужинаем завтра вместе, если ты не против?

И все это на одном дыхании. Мои отказы не принимались, да и кто стал бы отказываться от приглашения Вирга Сафина?

Конечно, я согласилась, тут же взлетев на седьмое небо. Весь следующий день с макияжем я просидела у мобильного в лучшем своем платье и в новом белье. И, конечно, Вирг Сафин не позвонил. Никакого ужина не было. Похоже, он просто забыл обо мне.

Я уже стала привыкать к тому, что все, связанное с Сафиным, – «не так, как у людей». С ним все неправильно. И любовь у него неправильная, и жизнь, и секс.

А это как – правильно? Правильно – это как? Мое подсознание ехидно уточняло вопрос, что именно правильно в сексе, в любви? И не получало никакого ответа. Наверное, тому, кто дал бы четкое определение правильности любовных отношений и полный список критериев, по которым можно все это определить, благодарное человечество поставило бы золотой памятник при жизни.

Но чего нет, того нет. И мне давно пора было бы кое-что понять: любовь не всегда приходит в удобной упаковке.

Еще через день после несостоявшегося ужина с Сафиным в мои двери позвонили. На пороге стоял незнакомый человек в униформе с эмблемой магазина. В руке он держал небольшую коробочку. Попросив меня предъявить паспорт, сказал, что он курьер из ювелирного дома и мне прислали дорогое украшение. Вручить же его он может, только удостоверившись, что я – это я.

Пришлось предъявить паспорт и долго расписываться в какой-то книге, после чего курьер ушел. Я открыла коробочку прямо в прихожей и ахнула. Дело было не в массивной золотой цепочке, не в самом медальоне, который был очень большим. На мою ладонь выпал маленький ангел. Фигурка, преклонившая колени, с крыльями, обвисшими за спиной. Работа была удивительно тонкой, но поражало не это. Ладони ангела были сложены на груди в молитвенном жесте. Четко было различимо его лицо. Черт лица почти не было, сходство никак нельзя было определить, но... Глазницы ангела были пусты. Просто впадины. У него не было глаз. А из пустых глазниц по щекам катились слезы. Слезы ангела на щеках были бриллиантами. Россыпь довольно больших бриллиантов, которыми плакал безглазый ангел.

В этом медальоне было что-то жуткое. И даже не от стоимости – саму стоимость этого творения мне было страшно даже представить. Мне стало жутко, когда я задалась вопросом о том, кого оплакивал слепой ангел, и почему глаза его были пусты? Почему его слезы, не просыхающие на щеках, самые дорогие в мире камни, бриллианты?

Ответ пришел мгновенно – вспышкой. Ангел – символ. Сафин прислал мне его не просто так. Слепой ангел – это я. Чистая правда, я ведь поступила так, словно у меня не было глаз, и веду себя, как слепая. И еще: я чего-то не вижу, не могу разглядеть. Есть что-то, чего я не знаю. Сафин упоминал об этом не раз. Да я и сама догадывалась.

Значит, слепой ангел – это я. Плачу я потому, что молюсь. За кого же молюсь, кого оплакиваю? Ну, это просто. Молюсь за Вирга Сафина, оплакиваю его же. Для него мои слезы – бриллианты, которые и являются для него спасением. Он видит меня таким вот спасающим ангелом. Значит, он подчеркивает, как я для него важна. От чего же я его спасаю?

Несмотря на удивительную красоту фигурки ангела, я не могла долго на нее смотреть, поэтому спрятала кулон в коробку, а коробку – в ящик комода подальше. Через несколько часов я решила позвонить Сафину и поблагодарить за дорогой подарок. Как всегда, Сафин, не ответил на звонок и, как всегда, мне не перезвонил.

Всю ночь после этого я не спала и твердо решила: я не одену этот кулон на день рождения Сафина. Я вообще никогда его не одену. Это не украшение – это символ, и даже бриллианты на этом символе выглядят совсем иначе. Они выглядят страшно. Я чувствовала какое-то серьезное значение, важный смысл в этом подарке. И то, что не понимаю смысла, меня убивало. Как всегда: не понимаю самое важное, не могу понять.

Сафин позвонил ночью, около четырех часов утра.

– Не надевай ангела на мой день рождения. Платье и пригласительный пришлю. Целую. Скучаю.

И прежде чем я успела что-то сказать, в трубке раздался короткий противный щелчок отбоя.

Зеркала. Теперь я поняла: причина всему – в них. Зеркала отражают не то, что есть, а то, что ты хочешь или не хочешь видеть. Именно поэтому они почти сразу отразили не меня – роскошную «снежную королеву», вооружившуюся своим единственным оружием – надменностью, а злые глаза Алекса, возникшего за моей спиной, как злобный тролль из сказки Андерсена, уничтоживший все очарование моего зеркала.

За моей спиной возник Алекс. Он смотрел на меня, как таракан на «Дихлофос».

– Привет, – сказал Алекс, – хочешь шампанского?

– Спасибо, нет. Потом.

Он ухмыльнулся.

– А что стоишь здесь, в фойе, как бедная родственница? Почему не зайдешь в зал?

– Так никого еще нет.

– Значит, мы будем первыми. Пойдем?

Алекс нежно взял меня за локоток, и, откинув тяжелую бархатную портьеру с золотой бахромой, ограждавшую вход, провел в зал.

Официанты расставляли на столах бокалы и закуски. Появились первые приглашенные. Сафина не было. В мою сторону никто не смотрел. Еще двадцать минут назад в зале было безлюдно, а теперь зал заполняли люди: пожилые мужики в дорожных костюмах с девками модельной внешности, годящимися им в правнучки; старые тетки, увешанные бриллиантами, с мальчишками по 18–19 лет. Похоже, вся эта публика прекрасно знала друг друга.

Едва стали появляться гости, как Алекс оставил меня, лавируя в этой толпе, – настоящая акула среди себе подобных. Сначала я вздохнула с облегчением, но потом попала в абсолютно дурацкое положение – где встать, что делать, как себя подать.

По началу стояла, как столб, не имея никакого понятия, куда деть руки. Потом задумалась, можно ли сесть за столик. Испугалась, что нет. Принялась ходить с небрежным видом между гостей. Такая тактика оказалась лучше. Официанты стали разносить шампанское, и я взяла бокал.

Рядом со мной Алекс с шумом принялся обниматься с двумя тетками лет по пятьдесят, не меньше. Лица обоих были абсолютно безжизненными, как фарфоровые тарелки. Косметика же напоминала остатки грязного соуса, размазанного после ужина.

– Где же наш Вирг? – верещали тетки. – Где же наш драгоценный именинник? Где наша звезда?

«Вот клизмы старые...», – пронеслось в голове, но это были только цветочки. Меня ожидали настоящие сочные ягоды – причем волчьи.

– Подъедет позже, – говорил Алекс, – не волнуйтесь. Вы же знаете Вирга, он всегда опаздывает.

– Он приедет со своей девушкой? С этой рыженькой, с татуировкой? – интересовались тетки. – Он же с ней уже давно встречается, год, кажется?

– Нет, с рыжей, которая с татуировкой, он уже разошелся, – говорил Алекс, – у него теперь другая девушка. Он обязательно представит ее сегодня.

– Да? А кто? Как ее зовут? – тетки все не могли успокоиться.

– Не волнуйтесь, сегодня вы все узнаете! Вирг Сафин раскроет свой главный личный секрет. Скажу вам честно – от этой девушки он вообще без ума! Напрочь снесло крышу. Он даже собирается жениться на ней, представляете?

Тетки раскудахтались окончательно, и их унесло в сторону вместе с Алексом, который перешел на другую тему и принялся что-то заливать о последней выставке Сафина. Я же надулась гордостью, как индейский петух. Ну еще бы! Новая девушка Вирга Сафина, от которой у него напрочь снесло крышу – это я!

Это даже перечеркивало мою обиду на Сафина за то, что он не поздравил меня с днем рождения, и еще за то, что свой день рождения я провожу именно так впервые в жизни.

Утром я проснулась с чувством удушающей горечи. Во-первых, мне исполнилось 39 лет. Во-вторых, я была абсолютно одна в чужом городе. В-третьих – ни праздника, ни подарков не планировалось ни от кого. Я поплакала немного, со злости отказалась от завтрака и поплелась в душ. Горячая вода немного привела меня в чувство. Когда я вышла из душа, позвонили мама и сын. Я крепко держалась и со всей злобой велела себе не плакать.

Вирг Сафин позвонил в три часа дня.

– Привет, моя любовь. Как ты? Хорошо спала? А я только что проснулся и сразу звоню тебе. Знаешь, ты мне снилась.

– И в каком виде? – уточнила я.

– Увидишь... – Сафин хмыкнул, – сегодня же ночью. Если, конечно, ты не против. Сегодня ночью ты будешь со мной. После всего этого... Этого балагана хренова...

Сафин выругался, а я даже вздрогнула от неожиданности. Это же его праздник. Почему так?

– Конечно... (мат), не хочу (мат)... (очень много мата) хреновы... Черт бы их побрал (мат)...

– Тогда зачем ты это делаешь? Зачем тратишь такие деньги, ведь ресторан дорого стоит.

– Положение обязывает. Я не хочу, но должен это делать. Иначе никак нельзя. Я занимаю положение в этом обществе, и, если хочу и дальше быть звездой, должен жить по его законам. Ты со временем поймешь. Поймешь, что все это ложь, мишура. За всем этим ничего нет. И Вирг Сафин, которого ты увидишь в ресторане сегодня, не имеет ничего общего с настоящим, со мной. Я другой. И жизнь у меня другая. Поэтому я привез тебя. Ты будешь моя тайна, понимаешь?

– Честно говоря, не совсем, – растерялась я.

– Ничего страшного. Со временем ты поймешь. Будет тяжело, но поймешь.

– Я постараюсь. Ради тебя, – вдохновенно вздохнула.

– Вот и прекрасно. Вызови такси. И прочитай адрес, который на пригласительном. Жду в ресторане. Целую, любовь моя. Встретимся там.

И все – отбой. Он назвал меня своей любовью. Он признался в сокровенных мыслях, и я чувствовала, что он говорит искренне. Он не поздравил меня с днем рождения. Он даже не вспомнил об этом. В ресторан я добралась сама, на такси.

Сколько времени прошло, я не помнила. Похоже, было начало одиннадцати, когда в зале вдруг возникло серьезное оживление. И в дверях, на входе, появился Вирг Сафин. Он был прекрасен.

Он шагнул в центр зала ресторана, но был не один. Сафин крепко за талию обнимал красивую высокую девушку лет двадцати с роскошными длинными черными волосами, миндалевидными черными глазами и повадками профессиональной модели. На ней было красное мини-платье, выставлявшее напоказ почти всю грудь. Словом, роскошная современная девица.

Вирг Сафин крепко обнял ее за талию и притянул к себе. Девица прильнула к нему, положила голову на плечо, жадно глядя на него похотливыми, алчными глазами. Они остановились в самом центре зала, поглощаемые взглядами всех присутствующих. Все смотрели на них так, словно взглядами пожирали заживо.

Только теперь я поняла, что в зале полно журналистов. Включились камеры, вверх потянулся лес рук со всевозможными гаджетами, снимающими, записывающими, втягивающими в

себя мельчайшие частички Вирга Сафина. Одно только его появление спровоцировало, загло эту истеричную пресс-конференцию. Меня, разумеется, оттеснили назад, но и слышала, и видела я достаточно хорошо.

Сафин смачно поцеловал девушку в губы. У журналюг буквально началась истерика, и камеры, и гаджеты раскались. Происходило что-то невообразимое: настоящий цифровой, информационный пожар!

Закончив целовать и лапать девушку, Сафин в картинной позе повернулся к журналистам:

– Итак, сенсация, которую вы все ждали. Впервые я решил официально представить мою девушку. Снимайте и записывайте: это моя девушка Алима. Моя королева и моя жемчужина Востока. Алима профессиональная модель и приехала для съемок в Киев три часа назад. Мы вместе уже второй год, и наконец решили прекратить скрывать наши отношения. Я объявляю всему миру о том, что на сегодня моя девушка – Алима. Она же королева и хозяйка сегодняшнего вечера.

Сочинительницы любовных романов тут же изошлись бы, наверное, в истерике, описывая меня и мое состояние, когда я стояла за всей этой толкающейся толпой.

Но ничего такого не произошло. Ни-че-го! Окруженные этой бешеной толпой журналистов, Сафин с девушкой отправились к одному из столиков. Где-то рядом со мной промелькнули торжествующие, горящие злым торжеством глаза Алекса. Больше на меня никто никакого внимания не обращал.

Я решила уйти, но немного подумав, осталась. Дело было не так в том, что мой уход сделал бы меня посмешищем в глазах Алекса, а в том, что я не хотела уходить вот так, молча, тайком, такой оплеванной, как бы подчеркивая, что все это задевает меня со всех сторон. И я осталась.

Присев за один из столиков, взяла закуски, шампанского, пила и ела, как будто ничего особенного не произошло. Я даже улыбалась, отвечая на заигрывания какого-то мужика, сидевшего напротив.

Но все это время я чувствовала себя так, как будто и с моего лица, и с моего тела заживо сдирали кожу, а на всем моем теле (и снаружи, и внутри) не осталось живого места. Теперь я прекрасно понимала, что снять кожу заживо – самый чудовищный и мучительный вид казни. Именно так я себя чувствовала.

Когда первый болевой шок прошел, я впала в какую-то странную кому, в которой плыла, как в тумане, мало понимая и мало чувствуя, не видя ничего, даже окружавших меня лиц.

Люди тоже проплывали, как в тумане. Теперь это были призраки, окружавшие меня со всех сторон. И, как всегда бывает с призраками, я чувствовала во всем теле странный, противоестественный холод. Могильный.

Конечно, сразу я не смогла сфокусироваться на лице Сафина. Он все еще, как и другие, проплывал мимо меня в этом беспросветном тумане. Потом стали вырисовываться общие черты: дорогой костюм, лицо, пустые глаза, и, наконец, слова. Мне вдруг показалось, что он повторяет их, как на старой заезженной граммофонной пластинке. Странное сравнение... Я никогда не видела граммофон, да и никаких пластинок уже нет, но оно не даром пришло мне на ум. Наверное, я слишком хотела попасть в другую эпоху, где нет ни пиара, гаджетов, интернета, гламура, ночных клубов, этого маразма. И где Вирга Сафина тоже нет.

Я задумалась, чтобы уйти... И снова меня остановило одно важное обстоятельство – маленькая золотистая коробочка, перевязанная ярко-красной лентой – мой подарок Сафину. Я поклялась самой себе, что обязательно его вручу. Маленькую коробочку я спрятала в сумке, и даже сквозь кожу дорогой вечерней сумочки она обжигала мои руки.

Я во что бы то ни стало должна была дожидаться вручения подарков и вручить Сафину то, что принесла – в этом был смысл. А пока... Я устояла в зал, где с видом победителя

расхаживал невероятно красивый Сафин, чокаясь с гостями бокалом с шампанским, к которому он даже не прикоснулся.

Про себя я отметила, что в личности Вирга Сафина есть два странных обстоятельства, о которых вряд ли кто-то догадывается. Во-первых, он никогда не пользуется лифтами. Во-вторых, не выносит алкоголь на каком-то патологическом уровне и ненавидит (в буквальном смысле слова) употребляющих его людей. Почему?

На какой-то короткий период времени я задумалась об этом, но потом все мои мысли улетели, и я не видела никого, кроме расхаживающего по залу Сафина. Он не пил шампанское, он улыбался, не разжимая губ, был холоден и надменен, как неограниченный алмаз, который стоит так невероятно дорого, что все боятся к нему прикоснуться. Он оставил свою модель за столиком и перестал обращать на нее внимание.

Он был один. Абсолютно один.

Глава 8

Это случилось несколько дней назад. Я увидела мой будущий подарок Виргу Сафину в небольшом магазинчике на Петровке. Прошла всего несколько шагов, как буквально наткнулась на небольшой магазинчик эзотерических товаров с интригующим названием «Колдун». Всю жизнь терпеть не могла мистику и никогда не верила в приметы. И в магазинчик, подобный этому, я не зашла бы никогда в жизни, если бы не одно обстоятельство.

В окне витрины среди прочих забавных вещиц мой глаз наткнулся на вещицу, очень похожую на найденный мною медальон и на медальон, который я видела на шее Вирга Сафина – кельтский крест. Более того, подобные кельтские кресты были нарисованы в четырех углах окна этого магазинчика. Пораженная странным совпадением, я вошла.

В магазинчике было сумеречно и холодно, пахло экзотическими пряными благовониями, от чего стоял воздух был тяжелый. За прилавком перед ноутбуком сидел парень лет 25-ти с поражающей внешностью – абсолютно лысый. На его лысом черепе блестела какая-то ярко-зеленая татуировка. Его пышная черная борода, спускавшаяся ниже шеи, закрывала всю нижнюю часть лица. В ушах были тяжелые металлические серьги-крути из обычного железа. Несмотря на холодный ноябрь, он был в летней черной футболке. Руки же его в сплошную были покрыты разноцветными татуировками, в которых ярче всего выделялись три цвета: черный, красный и зеленый.

Мое появление в магазинчике оповестило приветливое звяканье колокольчиков. Парень оторвался от ноутбука и уставился на меня. Слава Богу, глаза у него были человеческие, нормальные без татуировок.

– Привет, – сказал парень густым басом, – хотите подобрать крутой талисман?

– Нет, – вздохнула я, сама не понимая, что хочу.

– Тогда осматривайтесь, – парень кивнул, как будто все понял, и сказал, – можете не спешить.

– Я... Я вошла потому, что... у вас в витрине... Понимаете, я увидела у вас в витрине один медальон, и еще такие же знаки на стекле, и...

– И этот медальон вас позвал?

– Не совсем. Этот знак... Это же кельтский крест?

– Совершенно верно. Кельтский крест.

– И этот медальон продается?

– Разумеется. Только это не медальон, а талисман. Зачем он вам?

– Один человек... носит такой знак. И я подумала, что это хороший подарок.

– Совершенно верно, – парень порылся под прилавком и вытащил точно такой же медальон, как тот, что я видела в витрине, – вот он.

На нем была указана цена, к моему удивлению, довольно большая. Заметив, что я смутилась, парень пояснил.

– Сам крест сделан из чистого серебра, а шнурок – из натуральной кожи. Все материалы для талисмана должны быть настоящими, иначе он не будет работать.

– А как он работает? – поинтересовалась я и добавила, – я все равно его куплю, но мне хотелось бы знать.

– Хотите больше узнать о кельтском кресте? Да ради Бога! Надеюсь, вы знаете, что кельты родом из Ирландии? Есть версия, что в Ирландию этот символ привез Святой Патрик. Но на самом деле символ кельтского креста берет свое начало в язычестве, и смысл его гораздо глубже.

Кельтский крест – это амулет управления судьбой. Он нужен тому, кто хочет взять судьбу в свои руки или, наоборот, решительно ее изменить. Иногда его называют крест Ионы или

круглый крест. Выглядит он всегда одинаково – это равнолучевой крест, крест в круге. Его называют так же символом тамплиеров, своими корнями он уходит, как я уже говорил, в язычество. Это солнце веры. Расширение сознания. Узел сложной работы, который никогда не начинается и никогда не заканчивается, сплетенный из одной единственной нити жизни.

В своей символике его часто используют националисты и скинхеды. И, конечно, готы, так как это готическая символика. Несмотря на то, что его часто называют солнечным крестом, он символизирует также полную замкнутость. Человек, который предпочитает этот символ, хочет замкнуться, отгородиться от мира. Такой человек часто живет тайной, не понятной для окружающих жизнью, и сам прекрасно понимает, что общество не поймет, осудит его за такую тайную жизнь.

Что касается татуировки, то татуировка в виде кельтского креста несет дословный смысл – перевод и означает следующее: солнце или вспышка, развитие, перерождение, бесконечность.

Как амулет и талисман кельтский крест очень сильный, мощный магический символ. Он соединяет реальный и потусторонний миры и всегда защитит и спасет в трудной ситуации.

– Я куплю его. Но есть ли другие символы, похожие на этот?

– Что вы имеете в виду?

– Вот это, – я аккуратно сняла найденный медальон со своей шеи, – вы когда-нибудь видели такой символ?

Парень с огромным интересом взял мой медальон и с серьезным видом принялся изучать его, даже достал из-под прилавка самую настоящую лупу.

– Где вы это взяли?

– Вы не поверите! Просто нашла, – я пожала плечами.

– Честно говоря, я никогда не видел ничего подобного. Это кельтский крест, но в какой-то очень необычной вариации. Орнамент сразу можно связать с магическим использованием... Да, без сомнений, это кельтский крест. Видите вот эти знаки? А вот это расположение линий и лучей означает, что этот крест предназначен для использования в магических целях. Возможно, раньше он принадлежал человеку, который практикует черную магию. Вы не боитесь его носить? – парень прищурился.

– Нет, – я покачала головой, – на самом деле этот знак уже полностью изменил мою судьбу, но в хорошую сторону.

– Откуда вы знаете, что в хорошую? Потусторонний мир обманчив. Вы не хотите заменить его на тот, что купили?

– Нет. Пока нет. Этот я беру в подарок.

– Лучше бы вы оставили его себе.

– Всегда успею зайти к вам и купить еще один, если что-то пойдет не так.

– Ну, смотрите – дело ваше. Мое дело – предупредить.

Я расплатилась за свою покупку. Парень даже положил медальон в красивую подарочную коробочку и перевязал ярко-красной лентой. Я не сомневалась, что Виргу Сафину понравится мой подарок, раз уж он так сильно любит кельтские кресты. И еще я была очень довольна тем, что столько узнала про этот символ. Все, что я узнала, очень подходило Виргу Сафину.

Все это я вспоминала на вечеринке, приходя в себя. Количество подарков у его ног все увеличивалась. Моя скромная коробочка с кельтским амулетом не вписывалась среди них, как и я не вписывалась в толпу вокруг.

Когда я приблизилась к Сафину, его лицо стало бледнее. Но это единственное, что можно было заметить. Во всем остальном он не изменил себе, даже равнодушное выражение глаз было прежним.

Я протянула свою коробочку, буркнув что-то под нос. Сафин равнодушно взял ее, и, не глядя, швырнул к другим подаркам, но не рассчитал. Коробка была слишком маленькой, поэтому она соскользнула с верхушки пирамиды и скатилась на пол.

Сафин уставился куда-то вдаль, глядя словно через мое плечо, и лицо его стало еще более бледным. Потом тихо сказал:

– Я думал, ты уйдешь. Почему ты не ушла?

– Я хотела поздравить тебя с днем рождения.

– Я тронут. Но, право, не стоило. Тебе лучше уйти. Тебе лучше уйти отсюда прямо сейчас.

Я все еще не понимала, что происходит, и по-прежнему стояла перед ним. Сафин нервно передернул плечом, показывая, что мое присутствие стало его раздражать.

Я оказалась в какой-то прострации. Сафин так и не повернулся ко мне – я вдруг перестала для него существовать, и он демонстрировал это слишком открыто не только мне, но и окружающим.

Нагнувшись над подарками, нашла свою коробочку с кельтским амулетом, лежащую на полу, забрала ее и спрятала в свою сумку. Вирг Сафин был не достоин моего подарка, он вообще не был достоин подарков. С моей точки зрения, никаких. Резко отвернулась и быстро зашагала к выходу.

* * *

Слез не было. Все мои слезы ушли, когда я вышла из такси возле подъезда дома. Едва стащив с себя вечернее платье, сразу стала собирать вещи. Я прекрасно понимала, что не останусь в этой квартире ни одной лишней секунды, ни за что, никогда.

Выйдя из душа и забрав всю косметику с ванной полочки, я наткнулась на Вирга Сафина, неподвижно стоящего посередине комнаты возле моей открытой дорожной сумки. Я собирала вещи, не утруждая себя соблюдением порядка и не пытаясь складывать их аккуратно. Просто хватала и в сердцах швыряла в сумку – одну за другой. От неожиданности все баночки и флаконы полетели на пол. Помню, я даже вскрикнула, страшно испугавшись, увидев его в своей комнате в той же самой одежде, в которой он был в ресторане.

– Как ты сюда вошел? – резко крикнула я.

– Ты забываешь, что это моя квартира, и у меня есть ключи, – спокойно сказал Сафин.

– Тогда убирайся отсюда!

– Что это такое? – Сафин указал на сумку, – Ты не посмеешь это сделать!

– Еще как посмею! Убирайся!

Я бросилась вперед с явным намерением его ударить, но Сафин спокойно оттолкнул меня в сторону, и я упала на стоящее поблизости кресло.

– Я все равно отсюда уйду!

Я ненавидела его до какой-то чудовищной степени. Помню багровое марево, вдруг закрывшее мне мозг. Эта плотная пелена боли и ненависти накрыла меня с головой. Я бросилась вперед. Наверное, я хотела выцарапать ему глаза или хотя бы ударить. Да просто поцарапать, чтобы почувствовать на руках своих его кровь.

Это было бешеное, безумное мгновение. Особенно когда он схватил мои руки, точнее перехватил на лету и крепко прижал к себе, сжал словно стальным обручем, захватив меня в эти плотные, не прорываемые объятия.

Пол вдруг уплыл из-под моих ног, все закружилось перед глазами, потом вспыхнуло огненной радугой безумия. Он оторвал меня от пола, подняв на руки, и схватил так крепко, словно пытался раздавить. Я оказалась на кровати, крепко придавленная его телом, а надо мной были его черные, бешеные глаза.

Потом мы долго лежали без всяких движений, обнявшись крепко-крепко. Почувствовав, что я дрожу, он накинул на меня плед. Я приподнялась на локте и увидела его глаза, сверкающие необыкновенным, немного забавным блеском. Рассмеявшись, он в шутку поцеловал меня в кончик носа.

– Знаешь, ты первая и единственная женщина, с которой у меня был такой восхитительный ванильный секс!

Несмотря на весь его задор, я поморщилась от его слов, так как уже знала (вычитала в интернете), что ванильным сексом поклонники БДСМ называют секс без всяких подручных средств, игрушек и без насилия. Просто секс, даже в разных позах. Но мне не понравились его слова. Мне стало не по себе от них.

– Разве ты никогда не занимаешься таким... обыкн... то есть ванильным сексом?

– Нет. Мне никогда это не нравилось. Сегодня понравилось в первый раз. С тобой.

Тут уже требовались уточнения, и я послала все благоразумие к черту.

– А почему ты решил так сделать?

– Это был объяснительный секс, чтобы все тебе объяснить. Если сказать честно, ты первая в мире женщина, которую я пытаюсь удержать таким способом, которую я вообще пытаюсь удержать.

Я задумалась над его словами. Тут действительно было над чем подумать. Я думала так долго, что Сафин легонько толкнул меня в плечо.

– Эй, верни мой подарок. Я хочу получить его назад.

– Ты его выбросил.

– Ничего подобного! Я хочу его, он принадлежит мне.

– Я думала, ты не заметил.

– Не правда. Я специально бросил его в сторону, так, чтобы он отделился от остальных. А ты забрала его самым наглым образом. Я все видел. Я вообще весь вечер не спускал с тебя глаз.

Я рассмеялась. Но возвращать подарок у меня не было никакого желания. Так я и сказала, что, может быть, отдам потом. Сафин нахмурился.

– Нам нужно поговорить. И я хочу, чтобы ты выслушала меня очень серьезно.

– Не знаю. Я еще не решила, нужно ли мне тебя слушать. И еще не знаю, хочу ли здесь остаться.

– Невозможно серьезно разговаривать с человеком, который валяется в постели. Немедленно вставай и одевайся!

Сначала я решила, что он шутит, но, посмотрев на него, быстро и молча вскочила с кровати и стала одеваться. Так мы и одевались – в полном молчании, не глядя друг на друга. Я даже умудрилась кое-как застелить кровать.

Он сел на кровать и властным жестом велел мне сесть в кресло напротив. Я повиновалась, шокированная своей покорностью. Он велел мне сидеть спокойно и помолчать.

Честно говоря, мне самой было интересно: что можно сказать в такой ситуации? Что можно сказать после всего, что я видела? Но лицо Вирга Сафина было таким серьезным, что его стоило выслушать. Но то, что он сказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.